

БЕЛАРУСЬ 2012

Доклад о правах человека

Сводная информация

Беларусь - авторитарное государство. Конституция страны предусматривает наличие избранного путем прямого голосования президента страны, являющегося главой государства, и двухпалатного парламента, так называемого национального собрания. Назначаемый президентом премьер-министр номинально возглавляет правительство. Однако на практике власть сконцентрирована в руках президента. С момента избрания на пост президента в 1994 году Александр Лукашенко укреплял свою власть над всеми институтами и отменял верховенство права посредством авторитарных инструментов, в том числе через манипулирование выборами и подписание произвольных указов. Ни одни последующие президентские выборы, в том числе те, что прошли в декабре 2010 года, не были ни свободными, ни справедливыми и не соответствовали международным стандартам. Парламентские выборы 23 сентября 2012 года также не соответствовали международным стандартам. Силловые ведомства подчинялись гражданским властям, в частности, Лукашенко.

По-прежнему наиболее серьезными проблемами в области прав человека оставались: а) отказ гражданам в праве на смену своего правительства; б) наличие системы, лишенной сдержек и противовесов, в рамках которой власти допускали частые серьезные нарушения; в) политически мотивированные задержания сотен граждан, инициированные властями в течение прошлого года, и нежелание властей заниматься раскрытием политически мотивированных исчезновений людей, произошедших ранее.

К другим нарушениям прав человека относились избиение представителями силовых структур задержанных и демонстрантов, применение чрезмерной силы при разгоне мирных демонстраций, и, согласно свидетельствам, применение пыток и жестокое обращение во время следствия и в тюрьмах. Условия содержания в тюрьмах оставались очень плохими. Власти произвольно арестовывали, задерживали и лишали свободы граждан за критику в адрес должностных лиц, за участие в демонстрациях и по другим политическим причинам. Судебной власти не хватало независимости и эффективности, она являлась объектом политического вмешательства; результаты судебных процессов часто были predeterminedены, а многие разбирательства проходили за закрытой дверью и заочно. Власти по-прежнему нарушали права граждан на неприкосновенность частной жизни и продолжали ограничивать гражданские свободы, включая свободу слова, печати, собраний, объединений, вероисповедания и передвижения. Власти изымали печатные материалы у активистов гражданского общества и препятствовали распространению независимыми СМИ информации и материалов. Власти продолжали создавать помехи или прерывать деятельность активистов некоторых религиозных групп, время от времени налагая на них штрафы или ограничивая возможность проведения богослужений. По-прежнему сохранялась проблема чиновничьей коррупции во всех ветвях власти. Власти осуществляли преследование правозащитных организаций, неправительственных организаций (НПО) и политических партий, отказывая ряду из них в регистрации, а после угрожая уголовным преследованием за незарегистрированную деятельность. Существовала проблема насилия и дискриминации в отношении женщин, а также насилия в отношении детей. Серьезной проблемой также оставалась торговля людьми. Имели место проявления дискриминации в отношении лиц с ограниченными возможностями, цыган, этнических и сексуальных меньшинств, больных ВИЧ / СПИД и носителей белорусского языка. Власти преследовали и периодически

увольняли с государственных предприятий членов независимых профсоюзов, жестко ограничивая возможность рабочих создавать независимые профсоюзы и вступать в них, самоорганизовываться и коллективно вести переговоры.

На всех своих уровнях власти действовали безнаказанно и не предпринимали шагов по судебному преследованию и наказанию должностных лиц в правительстве и силовых структурах за нарушения прав человека.

Раздел 1

Сохранение неприкосновенности личности, включая свободу от:

а) произвольного или незаконного лишения жизни

В течение отчетного периода не поступало свидетельств о совершении властями или по их поручению произвольных или незаконных убийств.

б) исчезновений

Не наблюдалось сдвигов в ходе расследования исчезновений в 2000 году журналиста Дмитрия Завадского и в 1999 году активиста оппозиции Виктора Гончара и бизнесмена Анатолия Красовского. Существовали свидетельства о причастности государства к этим исчезновениям, но власти по-прежнему продолжали отрицать любую возможную связь с ними. В продолжение прежней практики, 1 января только что созданный следственный комитет вновь продлил срок теперь уже двенадцатилетнего расследования по факту исчезновения в 1999 году бывшего министра внутренних дел и лидера оппозиции Юрия Захаренко. 27 апреля Министерство иностранных дел ответило на запрос вдовы Дмитрия Завадского относительно возможности присоединения страны к Международной конвенции по защите всех лиц от насильственных исчезновений. Министерство заявило, что не видит необходимости присоединения к конвенции, ссылаясь на то, что уже предусмотрено суровое уголовное наказание за похищение людей и их дальнейшее исчезновение. Правозащитники же утверждали, что закон не предусматривает наказания за насильственные исчезновения в отношении государственных служащих, лиц или группы лиц, действующих с разрешения, при поддержке или с ведома государства, как определено в конвенции.

в) пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство способов обращения или наказания

Закон запрещает такие действия, однако КГБ, спецназ и другие силовые подразделения, часто действующие без опознавательных знаков и в гражданской одежде, по-прежнему продолжали регулярно избивать задержанных и демонстрантов. Также, по данным, силовые структуры в процессе следствия применяли пытки. Милиция часто избивала людей во время арестов, а также применяла силу к задержанным за организацию или участие в демонстрациях и других акциях оппозиции. В как минимум двух случаях в мае и июле милиционеры избили активиста гражданской кампании «Европейская Беларусь» Андрея Молчана за открытую демонстрацию оппозиционного бело-красно-белого флага и других оппозиционных символов в отдаленных районах Минска. 20 мая Молчан получил сотрясение мозга и сильные ушибы, потребовавшие шестидневной госпитализации. Сотрудники милиции также угрожали ему уголовным

преследованием за якобы неповиновение своим приказам. 13 июля Молчан был избит милиционерами и арестован за размещение оппозиционных наклеек, а 24 июля за эту акцию он был оштрафован на 1 000 000 (\$117) рублей.

19 января районный отдел милиции, ссылаясь на отсутствие доказательств и зафиксированных побоев, отказал в возбуждении уголовного дела в связи с имевшим место в декабре 2011 года случаем преследования милиционерами трех женщин-активисток из Украины, которые протестовали против фальсификации выборов в Минске. По информации, в декабре 2011 года неизвестные лица, предположительно, сотрудники КГБ, арестовали и похитили активисток, завезли в лес, где заставили раздеться, облили бензином и пригрозили поджечь. Девушки были обнаружены местными жителями из отдаленной деревни возле украинской границы, получили помощь в местном госпитале и вернулись назад, в Украину.

Правозащитники, лидеры оппозиции и общественные активисты, освобожденные из заключения, по-прежнему свидетельствовали о применении пыток и других форм физического и психологического воздействия в отношении подозреваемых в ходе уголовных и административных расследований.

Дедовщина в отношении новобранцев в армии, в том числе их избиение и другие формы физического и психологического воздействия, по-прежнему имели место, однако ситуация по сравнению с предыдущими годами улучшилась, поскольку власти более эффективно привлекали виновных к ответственности. В мае 2011 Генеральная прокуратура сообщила, что военное руководство и прокуроры принимают «эффективные меры» для предупреждения случаев смерти, травм и других инцидентов, вызванных дедовщиной в армии.

Условия содержания в тюрьмах и изоляторах

Условия содержания в тюрьмах и изоляторах по-прежнему оставались плохими и во многих случаях представляли собой угрозу жизни и здоровью.

Физические условия: Местными активистами и правозащитниками отмечался недостаток питания, медикаментов, теплой одежды, постельного белья, а также недостаточная обеспеченность базовой и неотложной медицинской помощью и чистой питьевой водой. Вентиляция в камерах и их общее санитарное состояние были плохими, а власти не могли обеспечить условия, необходимые для поддержания надлежащей личной гигиены. Заключенные часто жаловались на плохое питание и низкое качество одежды и постельного белья. Некоторые из бывших политзаключенных сообщали, что в отношении их применяли психологическое воздействие и вынуждали находиться в одной камере с преступниками, склонными к насильственным действиям. Хотя закон и позволяет семьям и друзьям приносить задержанным продукты питания и средства личной гигиены и отправлять им посылки почтой, власти на практике не соблюдали эти положения.

По официальной информации, на 1 октября из 31 700 лиц, пребывавших в местах лишения свободы по всей стране, 24 900 взрослых заключенных находились в колониях, 633 взрослых заключенных - в колониях строгого режима (с очень ограниченными правами), 272 несовершеннолетних - в колониях для несовершеннолетних, а 5 800 - в следственных изоляторах и отделениях. Общее число заключенных уменьшилось на 19,7 процента по сравнению с октябрём 2011 года. Примерно четыре с половиной тысячи человек в 2011 отбывали так называемую «химию», что-то вроде внутренней ссылки. Лицам, приговоренным к химии,

разрешалось работать за пределами мест заключения, однако требовалось, чтобы они возвращались после работы в тюремные бараки, где жили в строгих условиях и под наблюдением.

Поступали отдельные сообщения о том, что в следственных изоляторах милиционеры помещали несовершеннолетних подозреваемых в одну камеру вместе со взрослыми подозреваемыми и бывшими осужденными. Несовершеннолетние заключенные содержались отдельно от взрослых в колониях для несовершеннолетних, отделениях и следственных изоляторах. В целом, условия содержания женщин и несовершеннолетних заключенных были несколько лучшими, чем те, в которых находились мужчины-заключенные.

Проблема перенаселенности мест содержания под стражей и тюрем сохранялась, хотя количество заключенных в результате амнистии сократилось, а представители Министерства внутренних дел опровергали сообщения о перенаселенности.

7 июля активист «Европейской Беларуси» Елена Семенчукова подала жалобу в Витебскую областную прокуратуру, требуя улучшения условий содержания в местном СИЗО, где ее продержали 10 суток по обвинению в нелегальном распространении оппозиционных листовок. Среди бесчеловечных и антисанитарных условий она отметила отсутствие проточной воды и кровати, в связи с чем она была вынуждена спать на холодном цементном полу без теплой одежды.

По данным НПО и бывших заключенных, власти продолжали регулярно нарушать права тех, кто находился за решеткой. 6 декабря Минский районный суд приговорил Павла Плаксу к 10 годам лишения свободы в колонии строгого режима по обвинению в краже с взломом, поджоге и преднамеренном уничтожении имущества, якобы совершенных в мае. Несмотря на то, что он признал свою вину по пункту обвинения, касающемуся кражи с взломом и что его семья возместила ущерб и вернула украденные вещи, в ходе судебного процесса он отказался от признаний, сделанных под давлением со стороны следователей во время его досудебного содержания под стражей. Плакса пожаловался, что следователи издевались над ним, били и оказывали психологическое давление с целью вынудить его дать признательные показания. Прокуроры отклонили его жалобу на пытки, несмотря на свидетельства о том, что милиционеры трижды в течение его трехдневного пребывания в милицейском участке вызывали для Плаксы скорую помощь перед тем, как перевести в СИЗО.

Вскоре после своего освобождения из тюрьмы 15 апреля бывший кандидат в президенты Андрей Санников заявил, что в качестве условия его освобождения власти, постоянно преследовавшие его и оказывавшие на него давление, вынуждали подписать обращение к Лукашенко с просьбой о помиловании. Санников рассказывал, что его часто помещали в одиночную камеру, держали в полной изоляции и не давали общаться с другими заключенными, адвокатом и семьей. Подобное давление осуществлялось и в отношении других политических заключенных в течение отчетного года, им тоже часто запрещалось сообщать адвокатам о состоянии своего здоровья и условиях заключения. Перед тем как Санников был отпущен на свободу, его жена рассказывала, что администрация тюрьмы угрожала приостановить его встречи с адвокатом в том случае, если он будет упоминать о своих проблемах со здоровьем и условиях содержания за решеткой.

После своего освобождения 16 апреля соратник и друг Санникова политзаключенный Дмитрий Бондаренко также рассказал о том, что администрация колонии угрожала ему физической расправой, унижала и заставляла подписать прошение о помиловании. Бондаренко также

упоминал о попытках завербовать его в качестве информанта. После сделанной Бондаренко операции на позвоночнике, согласно информации, администрация колонии лишала его костылей и ортопедической обуви до тех пор, пока он не подписал прошение о помиловании.

10 января Брестская областная прокуратура отказалась начинать уголовное расследование на основании сообщений о жестоком обращении с политзаключенным Николаем Автуховичем. Чиновники заявили, что во время инспекции «не было возможности» определить, страдал ли Автухович от систематического бесчеловечного лечения и действительно ли администрация колонии подталкивала его к совершению самоубийства. Бывший адвокат Автуховича Павел Сапелко в декабре 2011 года подал жалобу, после того как заключенный порезал себе вены в знак протеста против нескончаемого жестокого преследования со стороны администрации тюрьмы.

Согласно достоверным источникам, тюремная администрация настраивала других заключенных против «политических» с целью запугать их и вынудить признать свою вину. Также поступали сообщения о том, что власти не объясняли и не защищали законные права заключенных и назначали наказания за незначительные нарушения «внутреннего режима». Так, например, 14 марта политзаключенный Дмитрий Дашкевич был помещен в одиночную камеру на тридцать суток в третий раз подряд. 27 июня политзаключенного и бывшего кандидата в президенты Николая Статкевича посадили в одиночную камеру на 10 суток за отказ находиться в одной камере с носителем ВИЧ, дважды резавшим себе вены. Суровые условия содержания в одиночных камерах, согласно информации, включали и отказ в предоставлении постельных принадлежностей, отсутствие прогулок на свежем воздухе и лишение сна. Власти отказывали заключенным также в теплой одежде, несмотря на регулярно низкую температуру в камерах.

Коррупция в местах лишения свободы оставалась серьезной проблемой, а наблюдатели сообщали, что решение по применению условно-досрочного освобождения часто зависело от взяток, предложенных тюремному персоналу, или было политически мотивированным.

Бывшие заключенные сообщали о том, что доступ к медицинской помощи был существенно ограничен и часто такая помощь осуществлялась неквалифицированным медицинским персоналом, а также о том, что результаты медицинских осмотров часто были сфабрикованы. Результатом такой ситуации стало широкое распространение туберкулеза, воспаления легких, ВИЧ / СПИД и других инфекционных заболеваний в местах лишения свободы. По информации, предоставленной местными правозащитными группами, степень распространения туберкулезной инфекции в тюрьмах во много раз превышала средний показатель по стране. Министерство внутренних дел сообщало, что на конец декабря 836 заключенных страдали активной формой туберкулеза. По некоторым оценкам, смертность от туберкулеза среди заключенных в 1,3 раза превышала средний уровень по стране. Власти продолжали практику изоляции некоторых заключенных, в частности, носителей ВИЧ / СПИД, а также иностранных граждан. По официальным данным, в конце 2010 года от ВИЧ / СПИД страдали 1 098 заключенных, что составляло 15 процентов от всего количества носителей ВИЧ / СПИД по стране.

Администрация: Учет заключенных был адекватным и контролировался Департаментом исполнения наказаний Министерства внутренних дел.

Власти использовали некоторые альтернативные формы ограничения свободы в отношении тех, кто совершил ненасильственные преступления. Наиболее типичными альтернативными наказаниями были частичный домашний арест, ограничение свободы передвижения и «химия». В мае представитель Следственного комитета сообщил, что количество лиц (особенно тех, кто

впервые был осужден за ненасильственное преступление), получивших альтернативные приговоры, в период с января по март было в шесть раз больше, чем за аналогичный период 2011 года.

Хотя власти и утверждали, что ежегодно или даже чаще проводили расследования и проверяли условия содержания в тюрьмах и следственных изоляторах, представители правозащитных организаций свидетельствовали, что такие проверки не заслуживали никакого доверия даже в тех случаях, когда они и имели место. Не существовало омбудсмана, который бы выступал от имени заключенных и задержанных, а правозащитники, не работавшие в подконтрольных государству адвокатских коллегиях, не имели доступа к заключенным и задержанным и не могли оказывать им юридическую помощь.

Заключенные и задержанные имели ограниченную возможность встречаться с посетителями, а отмена свиданий с семьями являлась типичной формой наказания за нарушение внутренней дисциплины. Достаточно часто средством давления на политзаключенных и их шантажа служила отмена свиданий с семьей. Например, политзаключенному Алесю Беляцкому было отказано во встрече с семьей 15 августа в качестве наказания за два незначительных нарушения, в том числе за то, что он из столовой взял с собой в камеру кусок хлеба.

Несмотря на то, что закон гарантирует свободу вероисповедания и никаких конкретных сообщений о нарушениях не поступало, обычно заключенные были лишены возможности проведения религиозных богослужений и осуществления ритуалов, не соответствовавших тюремному регламенту. Хотя целый ряд тюрем и был оборудован православными объектами, просьбы со стороны заключенных других вероисповеданий пригласить священников часто не рассматривались. Так, например, перед специальным визитом 25 сентября апостольского нунция Клаудио Гуджеротти политический заключенный Алесь Беляцкий несколько раз безуспешно просил о свидании с католическим священником. Администрация тюрьмы обосновала свой отказ тем, что ходатайствовать о визите духовного лица должны как минимум четверо заключенных, - невозможное условие, обеспечившее Беляцкому длительную изоляцию и угрозы в отношении других заключенных в случае, если они будут с ним общаться. Тем не менее, несколько позже в текущем году власти разрешили Беляцкому по крайней мере еще одно свидание со священником.

По достоверным свидетельствам бывших узников, их жалобы в высшие инстанции часто подлежали цензуре или не доходили до тюремного руководства, а обращения с требованием расследовать случаи предполагаемых нарушений прав заключенных тюремная администрация игнорировала или рассматривала выборочно. Такие жалобы могли привести к применению суровых дисциплинарных мер в отношении тех, кто их подавал, включая унижение человеческого достоинства, угрозы смерти или другие формы наказания.

Мониторинг: Власти не позволяли осуществлять независимый мониторинг пенитенциарных учреждений. Несмотря на многочисленные запросы, направленные в Министерство внутренних дел и Министерство юстиции, официальные лица по-прежнему отказывались встречаться с правозащитниками или предоставлять разрешение на посещение следственных изоляторов. В течение года не поступало сообщений о независимом инспектировании условий содержания в тюрьмах ни со стороны республиканских, ни со стороны международных правозащитных организаций, а также независимых СМИ и Международного комитета красного креста. 14 февраля журналисты популярного независимого новостного портала tut.by опубликовали свой откровенный, основанный на фактах отчет о визите в колонию города Жодино. В этом отчете не приводилось никаких бесед с заключенными и цитировались слова высокопоставленного

тюремного чиновника о том, что администрация колонии действует в согласии со всеми нормативными документами, касающимися условий содержания в тюрьмах.

г) произвольного ареста или задержания

Закон ограничивает произвольные задержания, однако на практике власти не обращали внимания на эти ограничения. Власти продолжали арестовывать лиц по политическим мотивам и использовать административные меры для задержания политических активистов накануне, во время и после акций протеста.

Роль милиции и сил безопасности

Милиция подчинялась Министерству внутренних дел, однако КГБ, Департамент финансовых расследований, являющийся структурой Комитета госконтроля, Следственный комитет и президентская служба безопасности также осуществляли милицейские функции. Президент также наделен правом отдавать прямые приказы и лично руководить всеми силовыми структурами. По-прежнему серьезной проблемой оставалась безнаказанность сотрудников правоохранительных органов. Лица имеют право сообщать в прокуратуру о злоупотреблениях со стороны милиции, однако власти зачастую не расследовали такие сообщения о злоупотреблениях со стороны силовых ведомств и не привлекали виновных к ответственности.

Процедуры ареста и обращение во время задержания

Согласно закону, милиция должна направить в адрес прокуратуры запрос, чтобы получить разрешение на задержание лица более чем на три часа, однако на практике эти процедуры, как правило, игнорировались и милиционеры регулярно задерживали и арестовывали граждан без ордера. Подозреваемого в совершении преступления власти могут удерживать под стражей не более 10 суток без предъявления официального обвинения и не более 18 месяцев после предъявления обвинения. В соответствии с законом, прокуроры, следователи и службы безопасности имеют право продлевать срок содержания под стражей без согласия судьи. Задержанные имеют право оспорить законность своего содержания под стражей, но на практике заявления подозреваемых с требованием судебного рассмотрения законности содержания часто не принимались или игнорировались.

Произвольные задержания: В течение года власти регулярно задерживали и арестовывали множество людей, в том числе оппозиционеров, представителей независимых СМИ и активистов социальных сетей, а также активистов гражданского общества, по причинам, общепризнанным политически мотивированными. Власти использовали административные меры для задержания политических активистов до, во время и после запланированных демонстраций и акций протеста.

26 апреля, после официально санкционированного Чернобыльского шляха, власти задержали ряд активистов оппозиционной организации «Молодой фронт» и приговорили их к 15 суткам административного ареста. Николай Демиденко, Роман Васильев и Николай Мусский, все - активисты «Молодого фронта» - задерживались и лишались свободы также несколько раз до того в течение года по обвинению в проведении несанкционированных демонстраций и использовании оппозиционных символов. 11 мая Минский районный суд, так и не выпустив Мусского на волю между двумя судебными процессами, снова посадил его на пять суток.

6 июля власти арестовали риэлтора Сергея Башаримова, сдавшего в аренду квартиру двум представителям шведского рекламного агентства, которые приняли участие в акции в защиту

свободы слова, в ходе которой 4 июня сбросили над республикой так называемый плюшевый десант. 13 июля власти задержали независимого журналиста Антона Суряпина за то, что он на своей веб-странице разместил снимки с этой самой акции в поддержку свободы слова. Обоих обвинили в содействии нелегальному пересечению границы, продержали в участке до 17 августа, запретили покидать пределы Беларуси. На конец года они оба оставались под надзором КГБ.

18 июля милиционеры задержали четырех активистов, протестовавших против предложенной конструкции атомной электростанции. Минский районный суд приговорил председателя НПО «Экодом» Ирину Сухий к штрафу в размере 1 500 000 рублей (\$ 175), а представителя Центра правовых трансформаций Михаила Мацкевича - к трем суткам заключения. Их соратники Татьяна Новикова и российский ученый Андрей Ожаровский получили 5 и 10 суток лишения свободы соответственно.

26 июля группа правозащитников и активистов гражданского общества обратилась с запросом к Генеральному прокурору и председателю Верховного суда, добиваясь встречи для обсуждения произвольных задержаний молодежных и демократических активистов. 7 августа Генеральная прокуратура ответила, что не видит законного основания для рассмотрения запроса, потому что подписавшие его не являются официальными представителями активистов, ставших объектом произвольных арестов.

Следственный изолятор: Власти могут содержать под стражей подозреваемых в преступлениях до 10 суток без предъявления официальных обвинений. До момента предъявления обвинений закон не позволяет задержанным встречаться с семьей, получать продукты питания и лекарства из-за пределов изолятора. Стремясь усилить давление на таких задержанных, милиционеры регулярно удерживали их под стражей в течение максимального 10-дневного срока до предъявления обвинения.

Правоохранительные органы часто задерживали граждан на несколько часов якобы для выяснения личности, а после выпускали их без предъявления обвинений. Милиция и силы безопасности часто использовали такую тактику, чтобы задержать представителей демократической оппозиции и демонстрантов, предотвратить распространение листовок и газет или в качестве основания для того, чтобы не дать возможности гражданским активистам провести встречи или другие мероприятия.

6 мая милиция арестовала 15 человек, в том числе двух оппозиционных певцов-исполнителей Игоря Симбирева и Дмитрия Бартосика, в окрестностях Минска во время их концерта под открытым небом. После выяснения личности, снятия отпечатков пальцев и представления детального объяснения своего присутствия на концерте представители милиции отпустили всех, кроме Симбирева. Симбирев один день провел в СИЗО и 8 мая был приговорен к 15 суткам лишения свободы по обвинению в оказании сопротивления милиции. Перед тем он был осужден на 10 суток за планирование участия в Чернобыльском шляхе 26 апреля.

Амнистия: По состоянию на 10 декабря 2 877 осужденных были амнистированы и освобождены из мест лишения свободы в течение года, а 5 714 заключенных получили сокращение приговора на один год. Тем не менее, по амнистии не был освобожден ни один из политзаключенных.

д) отказа в справедливом и открытом судебном процессе

Конституция страны гарантирует независимость судебной власти, однако на практике власти не обеспечивали независимость судебной системы. Коррупция, неэффективность и политическое

вмешательство в решения суда были широко распространенной практикой. Суды выносили приговоры лицам на основании ложных и политически мотивированных обвинений, предъявленных прокурорами, а высшие правительственные чиновники и представители местных органов власти диктовали исход судебных процессов.

В соответствии с последним доступным отчетом Спецдокладчика ООН, полномочия прокуроров являлись «чрезмерными и несбалансированными», поскольку они могли продлевать срок содержания под стражей без санкций на то судей. Он также отмечал, что существовал дисбаланс между сторонами обвинения и защиты. Адвокаты не имели возможности ознакомиться с материалами следствия, присутствовать при следственных действиях и допросах или изучать улики против обвиняемых до того момента, как прокурор официально не передаст дело в суд. Адвокатам было сложно оспаривать некоторые доказательства, потому что техническая экспертиза находилась под контролем прокуратуры. По мнению многих адвокатов, этот дисбаланс полномочий сохранялся в течение всего года, особенно в случае политически мотивированных уголовных и административных дел. Лишь в очень немногих случаях в течение года с обвиняемых в уголовных преступлениях снимались обвинения.

Согласно закону, в который в апреле были внесены поправки, коллегии адвокатов являются независимыми и лицензированные адвокаты могут иметь частную практику или бюро, однако фактически они оставались в подчинении Министерства юстиции. Все адвокаты должны были получать лицензию министерства и продлевать ее каждые пять лет. Хотя ранее закон запрещал адвокатам заниматься частной практикой, частным юридическим компаниям было разрешено оказывать правовую помощь и давать консультации частным компаниям, а также представлять своих клиентов в хозяйственных судах.

В течение года за деятельность, связанную с защитой клиентов, власти продолжали отзываться лицензии у адвокатов, представлявших интересы известных лидеров оппозиции, активистов гражданского общества и независимых журналистов, арестованных за участие в демонстрациях, последовавших за декабрьскими президентскими выборами 2010 года.

17 января Минский городской суд отклонил апелляцию в связи с отстранением от должности Тамары Сидоренко, адвоката бывшего кандидата в президенты Владимира Некляева.

11 марта Минская городская коллегия адвокатов исключила из своих рядов Андрея Варвашевича, адвоката бывшего кандидата в президенты Андрея Санникова. Исключение последовало за заявлением Министерства юстиции в январе 2011, в котором говорилось, что «некоторые адвокаты», защищая конкретных лиц, которым были предъявлены уголовные обвинения, в том числе кандидатов в президенты, совершали «грубые нарушения» правил профессиональной адвокатской этики, а также законов страны. Министерство обвинило адвокатов в искажении информации о расследовании в отношении своих клиентов, о состоянии их здоровья и условиях содержания под стражей. Впоследствии министерство объявило, что все адвокаты, имеющие лицензии, за исключением младшего персонала, должны были пройти внеочередную переаттестацию, чтобы возобновить свои лицензии. Апрельские поправки в закон также наделяют Министерство юстиции полномочиями рекомендовать адвокатам и членам коллегии кандидатуру на должность председателя.

Судебные процедуры

Закон предусматривает презумпцию невиновности. Тем не менее, из-за отсутствия независимости судебной системы, практикой государственных СМИ было сообщать о громких делах, как если бы вина уже была определена, а также широко практиковалось ограничение права ответчика на самостоятельную защиту в суде и бремя доказательства своей невиновности часто фактически ложилось на самих подсудимых.

Закон также предусматривает проведение открытых судебных процессов, однако в ряде случаев судебные процессы были закрытыми и часто проводились в кабинетах судей, где место для посетителей было существенно ограничено. Судьи выносят решения во всех судебных разбирательствах, системы суда присяжных не существует. В наиболее серьезных случаях судье помогают двое народных заседателей.

Закон предоставляет обвиняемому право на присутствие в суде, очную ставку со свидетелями и представление доказательств от своего имени, однако на практике власти не всегда соблюдали это право.

Задержанные по закону имеют право на помощь адвоката, а также предусмотрено назначение судом защитников для тех, кто не может себе этого позволить, однако некоторым задержанным было отказано в возможности получить адвоката или переводчика на белорусский язык в том случае, когда они ходатайствовали об этом. Большинство судей и прокуроров не говорили свободно по-белорусски и отклоняли предложение привлечь переводчиков. Законом закреплено право на свободный выбор юридического представителя, однако президентский декрет запрещает членам НПО, являющимся юристами по образованию, представлять в суде интересы людей, не входящих в их организации. Отстранение властями от должности адвокатов, представлявших интересы политических оппонентов режима, ограничило выбор подсудимыми защитников в громких политических делах. Такие действия властей в дальнейшем вынуждали адвокатов ограничивать контакты со средствами массовой информации и воздерживаться от публичных комментариев в отношении дел своих клиентов.

Обвиняемые за участие в акциях протеста в декабре 2010 года лица имели крайне ограниченную возможность общения с адвокатами, и власти не позволяли никому из задержанных частным образом встречаться со своими адвокатами в изоляторах. Некоторые из защитников открыто заявляли в 2011 году, что власти препятствовали им в их встречах с клиентами.

В январе и августе власти предприняли попытку обвинить ряд политических заключенных, в том числе Дмитрия Дашкевича и Николая Статкевича, в нарушении тюремных правил, что многие наблюдатели посчитали способом давления на них. Власти не позволили заключенным в полном объеме и конфиденциально обсуждать свои дела с адвокатами.

Суды часто разрешали использовать против подсудимых показания, полученные во время допросов при помощи силы и угроз физической расправы.

Подсудимые имеют право на обжалование судебных решений, чем большинство из них и воспользовалось. Тем не менее, в основном суды высшей инстанции оставляли без изменений приговоры, вынесенные судами низшей инстанции, в том числе и по всем уголовным делам, возбужденным в связи с послевыборными акциями протеста.

Политические заключенные и задержанные

В течение года местные и международные правозащитные организации сообщали о нескольких различных списках политических заключенных в стране. Они включали лиц, на конец отчетного периода находившихся на «химии» - форме внутренней ссылки. Два человека, осужденные и заключенные в тюрьму по политически мотивированным обвинениям после протестных акций в декабре 2010 года, были помилованы и выпущены на свободу в течение 2012, в результате чего общее число помилованных достигло 26. Многие из них сообщали, что их принуждали подписывать прошения о помиловании, и все они впоследствии еще были ограничены в некоторых своих гражданских и политических правах.

По состоянию на конец года несколько представителей политической оппозиции, осужденных в результате протестов в декабре 2010 года, оставались в тюрьме, включая кандидата в президенты Статкевича, а также лидеров «Молодого фронта» Дашкевича и Лобова. Многие из тех, кто находился за решеткой, по информации, сталкивались с плохим обращением и сильным давлением. 28 августа суд на закрытом заседании приговорил Дашкевича к году тюрьмы строгого режима за неоднократное нарушение тюремных правил. Этот новый приговор увеличил общий срок его тюремного заключения на восемь месяцев. В октябре он был переведен в тюрьму строгого режима для отбывания оставшейся части приговора.

29 мая Василий Парфенков был приговорен к шести месяцам тюремного заключения после того, как Минский районный суд признал его виновным в нарушении правил годового условно-досрочного освобождения по причине участия в политической деятельности. 9 августа он был переведен в тюрьму. 26 декабря суд отказал ему в условно-досрочном освобождении. Парфенков ранее отбывал срок как политзаключенный по делу, связанному с послевыборными протестными акциями 2010 года, но был помилован в августе 2011.

В течение года Николай Автухович оставался в тюрьме, он был признан виновным в незаконном хранении оружия в 2010 году. Amnesty International и другие правозащитные организации признали Автуховича узником совести. Закончился условный приговор Анастасии Положанко, одной из лидеров «Молодого фронта», осужденной за деятельность, серьезно нарушавшую общественный порядок. Бывший кандидат в президенты Алесь Михалевич, обвиненный по уголовному делу, связанному с декабрьскими протестными акциями 2010 года, оставался за границей.

В сентябре Лукашенко помиловал Павла Сыромолотова, отбывавшего наказание в колонии за якобы нападение с коктейлем Молотова на бобруйский КГБ в мае 2011 года. Однако четверо других лиц, называемых обвинителями «анархистами», по состоянию на конец года оставались в тюрьме по различным обвинениям, включая порчу краской местного казино, участие в демонстрации перед Министерством обороны и бросание бутылок с зажигательной смесью в посольство России. Во время судебных слушаний подсудимые сообщали об угрозах, поступавших в адрес их товарищей и членов семьи с целью заставить дать показания против них, а также о принуждении к подписанию признания. Ведущие местные правозащитные организации, в том числе «Весна» и Белорусский Хельсинкский комитет (БХК), либо признавали этих людей узниками совести, либо отмечали серьезные процессуальные нарушения, которые требовали, по меньшей мере, повторного рассмотрения.

12 января власти перевели Статкевича в колонию строгого режима на основании обвинения в неоднократном нарушении тюремных правил, отменив таким образом определенные привилегии, такие как визиты посетителей и передачи. Причиной перевода стало отсутствие у Статкевича номера на тюремной одежде и его неспособность точно перечислить свои вещи. Хотя

перевод и не повлиял на его первоначальный шестилетний срок, тюремные власти по-прежнему отказывали ему в просьбе облегчить условия тюремного содержания.

17 января по решению суда за неоднократное нарушение тюремных правил власти перевели Автуховича в колонию строгого режима для отбывания срока, оставшегося от присужденных ему 5+1 года.

Председатель «Весны» Алесь Беляцкий оставался в заключении по политически мотивированному обвинению в уклонении от уплаты налогов, связанному с его правозащитной деятельностью. 29 марта Минский районный суд обязал его выплатить дополнительно 140 миллионов рублей (\$ 16 400) штрафов за якобы задержку платежей налога на прибыль. Слушания прошли заочно, о них не были уведомлены его жена, адвокат и коллеги. 17 июля Минский городской суд оставил решение о присуждении штрафа в силе. 26 ноября власти конфисковали его квартиру, в которой размещался офис «Весны».

В апреле Лукашенко помиловал бывшего кандидата в президенты Андрея Санникова и его помощника Дмитрий Бондаренко. Они сообщили, что власти вынудили их подписать прошение о помиловании. Оба после освобождения покинули страну и жили в изгнании. Жене Санникова, отбывавшей условное наказание сроком в два года, не было разрешено выехать, чтобы навестить его. 21 апреля Лукашенко заявил, что если бы осужденные в связи с декабрьскими протестными акциями 2010 года не обратились к нему с прошением о помиловании, то остались бы в тюрьме, а «те, кто находится в тюрьме и еще не обращались, будут оставаться в заключении».

Власти также осуществляли контроль над некоторыми из заключенных, что уже вышли на свободу. Так, например, 15 марта суд установил строгие условия условно-досрочного освобождения для бывшего политзаключенного Владимира Яроменка. 10 апреля аналогичные условия были установлены и для товарища бывшего политзаключенного Павла Виноградова. Оба были помилованы и освобождены из тюрьмы в 2011 году.

Гражданские судебные процедуры и возмещение ущерба

Закон предусматривает возможность подавать иски с требованием о возмещении ущерба, причиненного в результате нарушения прав человека, или о прекращении таких нарушений, однако гражданские суды не были независимыми и редко действовали беспристрастно при рассмотрении таких дел.

е) произвольного нарушения неприкосновенности частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции

Закон запрещает такие действия, однако власти не соблюдали эти запреты. Власти прослушивали телефонные разговоры, использовали видеонаблюдение, а также сеть информаторов, чтобы лишить людей частной жизни.

Согласно закону, лица, препятствующие сотрудникам правоохранительных органов при исполнении их обязанностей, могут быть привлечены к административной ответственности, даже если эти «обязанности» противоречат закону. Как «препятствование» могут быть квалифицированы любые действия, направленные на предотвращения доступа КГБ или сотрудников правоохранительных органов в помещение предприятия, учреждения или организации; на недопущение проведения проверок сотрудниками КГБ, а также на непредоставление или ограничение доступа КГБ к информационным системам и базам данных.

Закон требует, чтобы ордер был получен накануне или сразу после проведения обыска, тем не менее, КГБ и милиция особого назначения без ордеров входили в дома, проводили обыски и читали корреспонденцию. КГБ имеет право входить в любое помещение при условии, что запросит ордер на протяжении 24 часов после такого вторжения. Поступали заслуживающие доверия сообщения, что по поручению властей агенты тайно проникали в дома активистов оппозиции и в офисы оппозиционных организаций и следили за деятельностью отдельных лиц. В многочисленных случаях власти проводили обыски в жилых и офисных помещениях по очевидным политическим причинам. Так, например, милиция провела обыск и конфисковала печатные материалы в квартире координатора кампании «За честные выборы» Виктора Корнеевко накануне его отъезда 12 июля на посвященную выборам конференцию Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Представители сил безопасности продолжали практику произвольных обысков и допросов известных лидеров оппозиции и гражданского общества на пограничных переходах и в аэропортах. Например, в сентябре власти обыскивали в течение нескольких часов правозащитников Сергея и Ирину Семенюк, а также Дмитрия Соловьёва на украинской и польской границах соответственно. 7 октября таможенники также подвергли обыску правозащитницу Насту Лойку на границе с Литвой.

Закон запрещает властям перехватывать телефонные разговоры и другие сообщения без санкции прокурора. На практике же власти регулярно контролировали квартиры, телефоны и компьютеры. Практически все оппозиционные деятели и многие известные представители гражданского общества сообщали, что власти прослушивали их разговоры и следили за их деятельностью.

Закон позволяет КГБ, Министерству внутренних дел, спецслужбам, персоналу финансовой разведки и некоторым пограничным подразделениям осуществлять прослушивание телефонных разговоров. Прослушивание требует санкции прокурора, однако в условиях отсутствия независимой прокуратуры это требование теряет смысл.

Министерство связи имеет право прекратить оказание услуг телефонной связи лицам, которые нарушают условия соглашения по использованию телефона. Такие соглашения запрещают использовать телефонную связь в целях, противоречащих интересам государства и в нарушение общественного порядка. Провайдером сотовой связи запрещается продавать сим-карты клиентам, не предоставившим своих паспортов, или иностранцам, не зарегистрированным местной миграционной службой.

В течение года власти продолжали преследовать родственников лидеров НПО, активистов гражданского общества и оппозиции путем избирательного применения закона. Например, 26 сентября власти в Гомеле приказали местному активисту-правозащитнику Леониду Судаленко, его жене и сыну предоставить декларацию о доходах и имуществе за период с 2008 по 2011 годы, не являющуюся обязательной в стране.

Раздел 2. Соблюдение гражданских свобод, в том числе:

а) свободы слова и печати

Конституция провозглашает свободу слова и печати, однако на практике власти не обеспечивали соблюдения этих прав и применяли многочисленные законы, которые были направлены на осуществление контроля и цензуры в обществе и СМИ. Кроме того, все основные государственные

средства массовой информации практически исключительно демонстрировали свою приверженность Лукашенко.

Свобода слова: Люди не имели возможности критиковать власти публично или обсуждать вопросы, представляющие общественный интерес, не опасаясь при этом репрессий. Власти вели видеозапись политических мероприятий, часто проверяли документы с целью установить личность и использовали другие формы запугивания. Ношение масок, демонстрация незарегистрированных или оппозиционных флагов и символов, равно как и плакатов, якобы представляющих угрозу власти или общественному порядку, также были под запретом.

15 мая, например, активист «Молодого фронта» Дмитрий Кременецкий вместе с Николаем Демиденко и Романом Васильевым были приговорены к тюремному заключению по обвинению в незначительном хулиганстве после того, как неизвестные представители силовых структур ворвались в их квартиру и арестовали за вывешенный в окне оппозиционный бело-красно-белый флаг. Кременецкий получил еще дополнительный тюремный срок на основании того, что после ареста он якобы ругался матом – обвинение, часто выдвигаемое против оппозиционных и гражданских активистов.

Власти оказывали давление на активистов, публично выступавших за общественный бойкот парламентских выборов. 3 сентября власти задержали активиста Бориса Хамайду после того, как он развернул плакат в поддержку бойкота. Впоследствии он был оштрафован за проведение несанкционированной акции протеста.

Закон также ограничивает свободу слова путем криминализации таких действий, как предоставление иностранным гражданам сведений, по мнению властей, ложных или компрометирующих, о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении в стране.

Свобода печати: Власти жестко ограничивали свободу печати, что в свою очередь приводило к ограничению доступа к информации, часто к самоцензуре СМИ и даже к закрытию изданий. Оппозиционные политики не имели возможности появляться в государственных средствах массовой информации, за исключением крайне ограниченного доступа во время избирательной кампании, предусмотренного законом, что тоже подлежало официальной цензуре. Власти предупреждали, штрафовали, задерживали, проводили допросы или заключали под стражу представителей СМИ, а также преследовали блогеров за публичную критику в свой адрес. В соответствии с законом, власти могут закрыть издание после вынесения двух предупреждений в течение одного года за нарушение ряда положений, ограничивающих свободу печати. Кроме того, существуют положения, позволяющие властям произвольно запрещать или цензурировать содержание изданий. Министерство информации может приостановить выпуск периодических изданий и газет на три месяца без решения на то суда. Закон также запрещает СМИ распространять информацию от имени незарегистрированных политических партий, профсоюзов и неправительственных организаций.

Во время парламентской избирательной кампании 2012 года подконтрольные государству издания цензурировали выступления кандидатов от демократической оппозиции - шаг назад по сравнению с президентскими выборами 2010 года, когда кандидатам было разрешено выступать в прямом эфире. Так, например, в сентябре Белорусское Телевидение предупредило кандидата в депутаты Николая Козлова, что запись его выступления будет направлена в Центральную избирательную комиссию для цензуры и что он не должен призывать к бойкоту выборов.

Министерство информации продолжало отказывать в регистрации многим независимым СМИ. Несмотря на отсутствие регистрации, независимые средства массовой информации, в том числе газеты, журналы, новостные Интернет-сайты, стремились обеспечить объективное и независимое освещение событий. Тем не менее, они действовали в условиях репрессивного законодательства в сфере СМИ и в большинстве своем сталкивались с дискриминационной политикой относительно выпуска и распространения своих изданий. Государственные СМИ, которые были чрезвычайно предвзятыми и служили средством пропаганды режима, доминировали на информационном поле и издавались большими тиражами благодаря щедрым субсидиям и преференциям. Не существовало частного телевидения, вещающего на всю территорию страны. Государственная почтовая служба «Белпочта», а также государственная система киосков «Белсоюзпечать» по-прежнему отказывались осуществлять доставку и продажу многочисленных независимых газет, освещающих политические вопросы.

Хотя власти по-прежнему позволяли распространять через государственную сеть две независимые национальные газеты «Народная воля» и «Наша Ніва», они продолжали оставаться объектом ограничений и финансовых санкций. Например, 9 февраля Минский районный суд обязал «Нашу Ніву» выплатить 5 000 000 рублей (\$ 585) бывшему государственному тележурналисту, обвиненному газетой в обмане, в качестве компенсации за «моральный ущерб». Журналист утверждал, что редакция газеты опорочила его, называя преступником без доказанности его вины, что позже было опровергнуто.

12 декабря Министерство информации отказалось перерегистрировать «Arche», независимый интеллектуальный литературный журнал, выходящий по-белорусски, ссылаясь на то, что его новый главный редактор не имел пяти необходимых лет управленческого опыта.

В стране продолжали работать международные средства массовой информации, однако они также не могли избежать вмешательства и предварительной цензуры. «Euronews» и такие российские каналы, как Первый канал, НТВ, РТР в целом были доступны, хотя во многих районах страны только через платные кабельные сети и с временным лагом, что позволяло удалять новости, которые власти считали нежелательными. Время от времени власти блокировали, подвергали цензуре или заменяли их новостные программы местными передачами.

Спутниковое вещание из других стран, в том числе из Польши и Литвы, могло приниматься в некоторых частях страны, как правило, в приграничной зоне.

Насильственные действия и преследование: Власти продолжали регулярно преследовать, арестовывать и осуществлять нападки на журналистов.

В 2011 году службы безопасности арестовали семерых членов Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ), которые позже были осуждены за «участие в массовых беспорядках» или организацию мероприятий, «нарушающих общественный порядок», что было результатом их освещения предвыборных кампаний кандидатов в президенты в 2010 году. В их числе – Дмитрий Бондаренко, помощник бывшего кандидата в президенты Санникова, приговоренный к двум годам тюремного заключения и помилованный в апреле; Александр Федута и Сергей Возняк, помощники бывшего кандидата в президенты Владимира Некляева, оба получившие по два года условно; Павел Северинец, помощник бывшего кандидата в президенты Виталия Рымашевского, осужденный на три года «химии»; независимая журналистка и жена Санникова Ирина Халип, приговоренная к двум годам лишения свободы условно, а также пресс-секретарь Санникова Александр Отрощенко, приговоренный к четырем годам тюремного заключения и

помилованный в сентябре 2011 года. По состоянию на конец года Северинец оставался на «химии», а Халип – под домашним арестом.

В течение года власти производили обыски в офисах СМИ. Так, например, 2 мая милиция конфисковала компьютеры из офиса польской радиостанции «Радыё Рацыя» в Минске.

Силы безопасности продолжали препятствовать независимым журналистам в освещении демонстраций и акций протеста в Минске и по всей стране. Так, например, 18 сентября неизвестные силовики жестоко разогнали пикетчиков кампании «Говори правду» в поддержку бойкота парламентских выборов и задержали семь независимых журналистов, в том числе представителей зарубежных СМИ. Все корреспонденты были опущены после двухчасовой проверки документов, а некоторые их видеоматериалы и фотографии были удалены. Офицер кулаком ударил фотографа «Associated Press» Сергея Грица, сломав ему очки и ранив лицо. В тот же день на короткое время также были задержаны два журналиста канала «Белсат», базирующегося в Польше. Хотя оба и были освобождены без предъявления обвинений, милиционеры конфисковали их камеры для дальнейшего изучения.

28 сентября Минское городское управление внутренних дел отклонило предложение БАЗ провести совещание по вопросу жестокого обращения с журналистами, освещающими оппозиционные акции протеста. В качестве причины отказа чиновники назвали отсутствие необходимости «дополнительного взаимодействия» между милицией и журналистами. Они также утверждали, что для взаимодействия со средствами массовой информации, ответа на вопросы и разъяснения правил во время уличных демонстраций были привлечены специально назначенные сотрудники милиции.

Преследования белорусских и зарубежных журналистов были обычным явлением. Так, например, 22 июня Минский районный суд приговорил Павла Свердлова, журналиста «Еўрапейскага радыё для Беларусі», базирующегося в Польше, к 15 суткам ограничения свободы по обвинению в том, что тот ругался матом в общественном месте. Независимые наблюдатели связывали его арест с подготовленным ранее докладом о нарушениях в области безопасности минского метрополитена. 7 мая власти в четвертый раз отказали в аккредитации гродненскому корреспонденту «Радыё Рацыі» Виктору Парфененко. В августе Министерство иностранных дел без объяснения причин отказало в аккредитации Гезине Дорнблют, корреспондентке немецкой радиостанции «Deutschlandradio», планировавшей освещать парламентские выборы 23 сентября. 21 сентября власти задержали в аэропорту и обыскали австралийского телекорреспондента Амоса Робертса. Несмотря на то, что тот был официально аккредитован Министерством иностранных дел, его ноутбук, фотоаппарат и устройство хранения данных были изъяты.

Цензура и ограничения содержания: Подавляющее большинство изданий были вынуждены осуществлять самоцензуру. Власти пристально следили за содержанием государственных средств теле- и радиовещания. Местные независимые телевизионные станции действовали в некоторых областях и передавали региональные новости, однако большинство из них под давлением властей отказывались от освещения вопросов республиканского уровня, а также актуальных вопросов, в противном случае рисковали стать жертвами цензуры. Власти часто вынуждали такие телестанции к предоставлению своих материалов и сотрудничеству с целью запугать представителей правозащитных организаций, которые встречались с иностранными дипломатами.

В 2009 году Лукашенко вновь заявил, что контроль над радио- и телестанциями является приоритетной задачей властей и что частным станциям не будет позволено работать в стране.

Только государственному радио и государственным телевизионным сетям было разрешено осуществлять трансляцию по всей стране. Власти продолжали использовать свою монополию на телевидение и радиовещание, чтобы распространять собственную версию событий и свести к минимуму все противоположные точки зрения. Государственное телевидение явно координировало производство своих пропагандистских документальных фильмов со спецслужбами страны, о чем свидетельствовало использование в них кадров внешнего наблюдения и стенограмм прослушивания разговоров. Власти запрещали государственным СМИ передавать произведения и музыку независимых белорусских и известных зарубежных музыкантов, художников, писателей, имена которых, как утверждалось, попали в некий «черный список».

Местные власти часто предупреждали независимых редакторов и журналистов, чтобы те воздержались от освещения определенных тем и критики правительства. По тем же причинам власти преследовали и блогеров. Власти также предупреждали предприятия, чтобы те не размещали рекламу в газетах, критикующих режим. В результате, независимые СМИ работали в условиях жестких бюджетных ограничений.

Журналисты, сотрудничавшие с зарубежными СМИ, широко освещавшими события в стране, такими как независимый спутниковый телеканал «Белсат» со штаб-квартирой в Варшаве и «Радые Рацыя», не смогли получить аккредитацию и в связи с этим продолжали получать предупреждения со стороны прокуратуры за работу без нее. В течение года власти направили предупреждения по меньшей мере 12 независимым журналистам.

Законы о клевете / Национальная безопасность: Клевета является уголовным преступлением. За клевету на президента или его оскорбление присуждается высокий штраф или лишение свободы сроком до четырех лет. Наказание за клевету не зависит от того, кто является ее объектом: частное или официальное лицо. Общественный деятель, подвергшийся критике за плохое исполнение своих обязанностей, может подать в суд как на журналиста, так и на издание, разместившее критическое высказывание.

Например, в апреле 2011 года милиция арестовала белорусского корреспондента польской «Gazeta Wyborcza» и лидера незарегистрированного Союза Поляков (СПБ) Анджея Почобута по обвинению в клевете и оскорблении президента. В июле 2011 года суд города Гродно в ходе закрытого судебного разбирательства признал его виновным в клевете и приговорил к трем годам лишения свободы условно с двухлетним испытательным сроком. Обвинение в оскорблении президента с него было снято. Почобуту также было запрещено покидать страну. В сентябре 2011 года суд высшей инстанции отклонил его апелляцию. 21 июня, после того как власти выдвинули против него новые обвинения в клевете, Почобут был арестован. 30 июня он неожиданно был освобожден под подписку о невыезде. В конце отчетного периода ему грозило пять лет лишения свободы в ожидании завершения расследования.

Власти также часто ссылаются на национальную безопасность как на основание для цензуры в СМИ.

Ограничение публикаций: В течение года власти предприняли множество шагов, направленных на ограничение независимой прессы, в том числе они ограничивали доступ к правительственным

чиновникам и брифингам для прессы, контролировали тиражи газет и повышали стоимость печати. Ряд независимых газет, в том числе «Витебский курьер», печатались в России, поскольку отечественные типографии (практически все из них были государственными) отказались их печатать. Другие независимые газеты, такие как «Салідарнасць», «БДГ» и «Бобруйский курьер», выходили только в Интернет-версии из-за ограничения печати и распространения изданий.

И напротив, власти оказывали мощную поддержку государственным СМИ. В январе власти пообещали, что государственные периодические печатные издания, телевидение и радио получают более 490 миллиардов рублей (\$ 57 миллионов) в виде субсидий, покрывающих расходы на вещание и печать, приобретение бумаги и заработную плату персонала.

В течение года власти конфисковали большое количество независимых и оппозиционных газет, а также листовок и иных материалов, которые якобы печатались нелегально. Власти также часто штрафовали распространителей независимой прессы. Так, например, 15 января милиция конфисковала тираж «Витебского курьера» в количестве 10 000 экземпляров. 7 июня Витебский районный суд оштрафовал гражданского активиста Сергея Кандакова на два миллиона рублей (\$ 234) за распространение независимых газет на улицах. Такой же штраф был наложен ранее на другую местную активистку Анну Гадлевскую за распространение оппозиционного бюллетеня.

Свобода Интернета

Власти продолжали ограничивать свободу Интернета и активно отслеживали электронную почту и Интернет-форумы. Отдельные люди и группы людей как правило имели возможность свободно выражать свои взгляды через Интернет, в том числе по электронной почте, но при этом все, кто это делал, рисковали иметь правовые и личные последствия. Активисты оппозиции сталкивались с вероятностью того, что их электронная почта и другой обмен данными через Интернет могут контролироваться. Кроме того, официальные провайдеры блокировали независимые и оппозиционные веб-сайты во время значительных политических событий, таких как выборы или демонстрации.

Белорусское независимое статистическое онлайн-агентство «Гемииус» сообщило, что по состоянию на 1 ноября число пользователей Интернета достигло примерно 4 460 000 человек, что на 13 процентов больше, чем в 2011 году. Более 80 процентов тех, кто использует Интернет, делали это ежедневно, а уровень Интернет-проникновения составлял приблизительно 55 процентов.

Власти осуществляли контроль Интернет-трафика. Согласно закону, телекоммуникационная монополия «Белтелеком» и другие организации, уполномоченные властями, имеют исключительное право на поддержание Интернет-доменов.

В 2010 году Лукашенко издал указ, требующий регистрации Интернет-провайдеров и веб-сайтов, устанавливающий ограничения на доступ к сайтам, пропагандирующим «экстремистскую деятельность» (по мнению многих активистов, такая интерпретация может подразумевать и оппонентов власти) и предписывающий собирать информацию о пользователях услуг Интернет-кафе. В соответствии с указом провайдеры должны в течение года хранить данные об использовании лицами Интернета и предоставлять эту информацию правоохранительным органам по их запросу. 6 января вступил в действие закон, устанавливающий санкции за нарушение указа.

Указ ограничивает доступ к веб-сайтам, пропагандирующим «экстремистскую деятельность», содержащим материалы, связанные с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и наркотиков, торговлей людьми и порнографией, а также пропагандой насилия. Он требует, чтобы провайдеры закрывали доступ к этим ресурсам из государственных, учебных и культурных учреждений по приказу КГБ, Генеральной прокуратуры, оперативно-аналитического центра при Администрации Президента или других государственных ведомств. Указ не блокирует доступ из частных помещений, таких как квартиры или частные компании. Из достоверных источников стало известно, что закрытый список запрещенных сайтов содержал около 80 веб-сайтов, включая оппозиционные порталы «Хартия 97» и «Белорусский партизан». Интернет-провайдеров обязали обновлять список ежедневно. Решение по ограничению доступа к Интернет-источникам может быть обжаловано в суде.

Государственные предприятия и организации, на которых было занято 80 процентов трудящихся страны, согласно информации, имели Интернет-фильтры. В ответ на вмешательство властей и ограничения Интернета многие оппозиционные группы и независимые средства массовой информации перешли на Интернет-домены, зарегистрированные за пределами страны. Немногие оставшиеся независимые сайты с местным доменом .by (Беларусь) практиковали самоцензуру.

Несколько раз в течение года, особенно во время предвыборной парламентской кампании и самого дня выборов, кибератаки неизвестного происхождения временно блокировали деятельность независимых новостных порталов и сайтов социальных сетей. Так, например, 16 июля веб-сайт, призывавший к бойкоту выборов, был недоступен практически целый день в результате второй кибератаки за неделю. В день выборов, 23 сентября, веб-сайт, проводивший независимый мониторинг выборов, также был недоступен.

В июне 2011 года организованная в Интернете группа, известная под названием «Революция через социальные сети», создала страничку в популярном русском социальном ресурсе Vkontakte.ru, на котором призывала к «молчаливым» акциям протеста в общественных местах страны. Как только эти протесты привлекли внимание и поддержку широкой общественности, Интернет-пользователи сообщили, что не могли зайти на сайт Vkontakte.ru в течение нескольких часов до начала «молчаливых» акций протеста. Поступали также сообщения пользователей о том, что они перенаправлялись на поддельные «зеркальные» веб-сайты, которые пытались собирать полные имена пользователей и другую личную информацию. 5 мая активист группы «Революция через социальные сети» Антон Скорина сообщил, что его Skype и электронная почта были взломаны, а страничка Интернет-сообщества стала мишенью кибератак. В апреле милиция конфисковала компьютеры двух активистов Интернет-сообщества, один из которых был приговорен к 10 суткам тюремного заключения.

31 августа Минский районный суд приговорил Павла Евтихиева, модератора Интернет-группы «Надоел нам этот Лукашенко», к пяти суткам. Он был арестован и допрошен в своем доме накануне. В тот же день другого Интернет-активиста Андрея Ткачева, администратора антилукашенковской группы, осудили на семь суток по обвинению в мелком хулиганстве. Сотрудники КГБ также провели обыск в квартире Олега Шрамука, витебского коллеги Евтихиева, задержали его, привезли в милицейский участок на длительный допрос и отпустили без предъявления обвинений в тот же день.

В тот же день сотрудники милиции также задержали 17-летнего оппозиционного Интернет-активиста Романа Протасевича, доставили в участок на четырехчасовой допрос и освободили позже без предъявления обвинений.

Власти продолжали собирать и добывать личную информацию независимых журналистов и демократических активистов в ходе рейдов и конфискации компьютерной техники.

Академическая свобода и культурные мероприятия

Власти ограничивали академическую свободу и культурные мероприятия. Образовательные учреждения должны были преподавать официальную государственную идеологию, основывающуюся на восхвалении достижений бывшего Советского Союза и Республики Беларусь под руководством Лукашенко. Использование слова «академический» было ограничено, а НПО было запрещено включать слово «академия» в свои названия. Возможностей получить высшее образование на белорусском языке по большинству специальностей не хватало. Администрация высших учебных заведений не предпринимала никаких усилий, чтобы посодействовать студентам, желающим учиться по-белорусски.

В течение года власти преследовали, запугивали и увольняли учителей и преподавателей по политическим мотивам. Так, например, в сентябре администрация Гродненского государственного университета уволила кандидата исторических наук Андрея Чернякевича, соавтора книги «Гродназнаўства». Хотя администрация и утверждала, что он неоднократно нарушал трудовое законодательство, его коллеги связывали увольнение с беспристрастностью книги. Она излагает исторические факты, предшествующие режиму Лукашенко, и описывает исторические символы средневековой Беларуси, включая бело-красно-белый флаг, который власти считали символом оппозиции и запрещали публично демонстрировать, но который являлся государственным флагом в период с 1991 по 1995 год. В октябре администрация университета уволила другого преподавателя истории, Игоря Кузьминича, за его гражданскую позицию, за размещение текстов о бело-красно-белом флаге и других исторических символах на своем блоге и за выступление против произвольных увольнений.

Утвержденные правительством учебники содержали чрезвычайно пропагандистскую версию истории и других предметов. Все школы, включая частные учреждения, обязаны были следовать государственной директиве и прививать официальную идеологию, а во главе их не могли стоять представители оппозиции. Министр образования имеет право назначать и освобождать от должности руководителей частных учебных заведений.

Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ), официальная организация, выросшая из советского комсомола, призвала студентов вступать в свои ряды, обещая за это льготы и места в общежитиях. Местные власти также оказывали давление на членов БРСМ с целью принудить их к участию в избирательных кампаниях на стороне провластных кандидатов. Кроме того, власти время от времени заставляли студентов служить информаторами республиканских спецслужб.

Абитуриенты боялись, что не смогут поступить в вузы без членства в БРСМ, а студенты сообщали, что им необходимо было предоставить подтверждение своего членства в БРСМ для того, чтобы записаться на популярный курс или получить комнату в общежитии. Университеты также предоставляли членам БРСМ скидки на оплату обучения. 10 декабря на встрече с лидером БРСМ Игорем Бузовским Лукашенко заявил, что правительство будет и впредь поддерживать союз, который служит хорошим «резервом кадров» для КГБ, милиции и других правоохранительных органов.

В соответствии с директивой Министерства образования, образовательные учреждения могут исключать студентов, участвующих в антиправительственной или несанкционированной

политической деятельности, и должны обеспечить надлежащее идеологическое воспитание студентов. В течение года по меньшей мере восемь студентов были отчислены по политическим причинам по сравнению с 45 или более в 2011 году. Некоторые чиновники системы образования продолжали ссылаться на плохую успеваемость или прогулы занятий как на официальную причину исключения студентов. В январе бывший политический заключенный Владимир Яроменок, осужденный за участие в послевыборных акциях протеста 2010 года, был исключен из минского университета за свою политическую деятельность после отбытия 15 суток ареста за организацию акции протеста в декабре 2011 года.

Власти по-прежнему запрещали учителям и демократическим активистам содействовать более широкому использованию белорусского языка и сохранению белорусской культуры. Например, ряд университетов по всей стране объявили, что они больше не будут набирать студентов на специальность «учитель белорусского языка и литературы», ссылаясь на низкий спрос и малое количество заявок в последние годы.

Власти также ограничивали проведение культурных мероприятий. В течение года власти по-прежнему вытесняли оппозиционные театральные труппы и музыкальные группы из общественных мест в бары и на частные квартиры. Власти также пресекали неофициальное празднование исторических событий. Так, например, 28 сентября местные власти оказали давление на владельцев частного арт-центра в Минске, запретив проведение концерта известного певца Лявона Вольского, который был вынужден выступить в офисе оппозиционной политической партии. Ранее власти выселили арт-центр из его помещения в центре Минска, в котором собирались популярные исполнители, независимые писатели и журналисты и где проводились культурные мероприятия. В декабре арт-центр потерял помещение в третий раз. В течение года власти также запретили ряд концертов и культурных мероприятий других известных музыкантов и художников, которые, по сведениям, оставались в черном списке, созданном властями, за свои высказывания в поддержку политических заключенных, оппозиционных и демократических активистов.

7 и 8 декабря милиция сорвала спектакли Свободного театра в Минске. Сотрудники милиции проверили удостоверения личности актеров и зрителей и записали их имена. Не произошло никаких задержаний или предъявления обвинений, однако сотрудники правоохранительных органов оставались радом с помещением на протяжении всего представления.

Власти также ограничивали деятельность диссидентского Союза белорусских писателей и широко поддерживали провластный Союз писателей Беларуси. Власти преследовали распространителей книг, написанных писателями-диссидентами или напечатанных по-белорусски. 10 июля, например, Минский районный суд приговорил распространителя Алесь Евдаху к году домашнего ареста в том числе и по обвинению в незаконной предпринимательской деятельности в крупном размере и обязал его выплатить компенсацию в 57 миллионов рублей (\$ 6700) за получение якобы незаконных доходов.

В сентябре власти задержали бывшего главного редактора журнала «Arche» Валерия Булгакова и изъяли более 5 000 книг, напечатанных по-белорусски, якобы потому, что он издал их без надлежащей регистрации. Впоследствии власти заморозили банковские счета журнала «Arche», а провластные средства массовой информации раскритиковали «Arche» за поддержку исторического ревизионизма, экстремизма и нацистскую пропаганду.

б) свободы мирных собраний и объединений

Свобода собраний

Конституция гарантирует свободу мирных собраний, однако на практике власти жестко ограничивали это право. Только зарегистрированные политические партии, профсоюзы и НПО могли запрашивать разрешение на проведение массовых мероприятий с участием более 1 000 человек. На практике власти обычно отклоняли заявки независимых и оппозиционных групп. Силы безопасности часто жестко разгоняли участников, нанося им травмы.

Свобода собраний: Закон предусматривает уголовную ответственность за участие в деятельности незарегистрированных НПО, за подготовку лиц к участию в демонстрациях, финансирование массовых манифестаций или ходатайство о предоставлении иностранной помощи «в ущерб» интересам страны. В 2011 году в закон были внесены поправки, также запрещающие сообщать о несанкционированных властями демонстрациях, в том числе через Интернет или социальные сети. Нарушение закона карается сроком до трех лет лишения свободы.

Власти использовали различные средства, чтобы воспрепятствовать проведению демонстраций, разогнать их, свести к минимуму их результаты и наказать участников. Организаторам необходимо было подать заявку не менее чем за 15 дней до планируемого проведения публичной демонстрации, митинга или встречи, а государственные должностные лица обязаны были не позднее чем за пять дней до запланированного мероприятия дать ответ. Тем не менее, власти преимущественно отказывали оппозиционным группам в таком разрешении или давали разрешение только на те мероприятия, которые проводились вдали от городского центра. Власти использовали тактику запугивания и угроз, чтобы воспрепятствовать лицам принять участие в демонстрациях, открыто вели видеозапись участников, накладывали на участников несанкционированных демонстраций крупные штрафы или приговаривали к тюремному заключению. Часто милиция и другие силовые структуры избивали и задерживали демонстрантов до, во время и после несанкционированных мирных демонстраций. Многочисленные участники акций протеста задерживались, штрафовались и приговаривались к административному аресту сроком до 15 суток. В десятках случаев власти штрафовали активистов оппозиции и членов неправительственных организаций за участие в несанкционированных протестных акциях.

7 мая активисты компании «Говори правду» Андрей Дмитриев и Михаил Пашкевич были приговорены к 10 суткам тюремного заключения каждый за участие 10 апреля в массовом митинге владельцев дачных участков, расположенных в Минской области, где власти планируют строительство белорусско-китайской промышленной зоны. В дополнение к обвинению в участии в несанкционированном митинге, милиция обвинила активистов в том, что они обсуждали создание НПО, которое объединит владельцев дач. Милиция подавляла даже небольшие санкционированные демонстрации. Например, 7 октября милиционеры не позволили членам независимого профсоюза находиться на тротуаре рядом с минским парком, где власти уже дали разрешение на проведение митинга против экономической политики правительства. Милиция вынудила их пойти вглубь парка, где их небольшая демонстрация не могла быть видна с улицы.

В преддверии сентябрьских парламентских выборов власти запретили все демонстрации, призывавшие к бойкоту выборов, и преследовали демократических активистов, которые пытались митинговать. 22 августа, например, Минский районный суд оштрафовал двух оппозиционных активистов Галину Корженевскую и Инну Лойко на 300 000 рублей (35 \$) каждую за такие демонстрации в июле и августе.

Милиция также использовала упреждающие аресты и задержания с целью воспрепятствовать участию демократических активистов в акциях протеста. Например, власти предпринимали различные меры с целью помешать попыткам демократических активистов отпраздновать 25 марта годовщину провозглашения независимости страны в 1918 году – события, не признаваемого властями, даже несмотря на то, что демонстрация была санкционирована Мингорисполкомом. 23 марта активистов социальных сетей Анастасию Шулейко и Михаила Костко, а также активиста «Молодого фронта» Николая Демиденко приговорили к 10 суткам тюремного заключения. Власти рано утром заблокировали ряд оппозиционных активистов в их квартирах, предупредили многих региональных оппозиционных активистов, чтобы те отказались от поездки в Минск для участия в демонстрации, или задержали их по пути к местам проведения акций протеста, чтобы предотвратить участие в них.

Власти отклонили все заявки на проведение мероприятий, посвященных второй годовщине разгона массовых послевыборных демонстраций в декабре 2010 года и продолжающееся содержание под стражей политических заключенных. Власти проводили профилактические задержания, чтобы блокировать любые возможные демонстрации. 17 декабря бывший политзаключенный и молодежный активист Павел Виноградов был приговорен к 5 суткам, в то время как член «Молодого фронта» Николай Демиденко получил тот же приговор 18 декабря.

Свобода объединений

Закон предусматривает свободу объединений, однако на практике власти ограничивали это право и избирательно применяли законы и правила регистрации с целью ограничить деятельность независимых ассоциаций, которые могли бы выступать с критикой правительства. Все НПО, политические партии и профсоюзные организации для регистрации должны получить предварительное разрешение Министерства юстиции. Правительственная комиссия рассматривает и утверждает все заявки на регистрацию, на практике же ее решения были основаны в значительной степени на политической и идеологической совместимости заявителя с авторитарной философией властей.

В соответствии с действующим порядком регистрации, заявители должны предоставить сведения о количестве учредителей, их именах, а также адресе резиденции, которая должна располагаться в нежилом помещении – требование, которое было чрезвычайно трудно выполнить с учетом сложных финансовых обстоятельств большинства НПО и опасением собственников сдавать в аренду жилье негосударственным организациям. Лица, включенные в список членов объединения, не были защищены от преследований. Отказ властей сдавать в аренду офисные помещения незарегистрированным организациям, а также стоимость аренды частных помещений, по информации, вынуждали большинство организаций использовать адреса жилых помещений, что могло послужить причиной лишения их регистрации.

После разгона декабрьской демонстрации 2010 года, власти пытались ликвидировать любую «юридическую лазейку», которая, как они считали, может помочь НПО. Например, в ноябре 2011 года власти провели в жизнь поправки в уже и без того строгий закон об общественных объединениях, который запретил НПО хранение средств на местную деятельность в зарубежных финансовых институтах. Закон также запрещает НПО содействовать предоставлению любой поддержки или льгот от иностранных государств гражданам в зависимости от их политических или религиозных убеждений или национальности, - положение, очевидно, направленное против польского меньшинства.

Только зарегистрированные НПО могут на законных основаниях получать иностранные гранты и техническую помощь. Перед принятием такой помощи неправительственные организации должны зарегистрироваться и получить согласие на это от Департамента по гуманитарной деятельности Управления делами Президента.

Власти продолжали отказывать в регистрации НПО и политическим партиям под различными предлогами, в том числе под предлогом «технических» недостатков в поданных документах. Власти часто преследовали и запугивали людей, называвших себя учредителями организации, с тем, чтобы побудить их отказаться от своей роли и тем самым лишить организацию необходимого для регистрации количества заявителей. Многие организации, получившие отказ, пытались зарегистрироваться снова, но им неоднократно в этом отказывали. В течение года власти продолжали аннулировать регистрацию организаций. Например, 19 января министр юстиции Олег Слижевский сообщил, что министерство отклонило заявку на регистрацию Белорусской христианской демократии на том основании, что партия якобы дала ложные сведения об учредителях. Это была четвертая попытка партии зарегистрироваться. Каждый раз власти оказывали давление на членов, принуждая отмежеваться от партии, угрожая им увольнением с работы, исключением из университетов и уголовным преследованием. Партийные лидеры называли отказ политически мотивированным, предвзятым и предопределенным.

9 октября суд города Минска лишил регистрации НПО «Платформа», осуществлявшей мониторинг условий содержания в тюрьмах и защиту прав заключенных. Активисты НПО провели ряд пресс-конференций и представили свои регулярные доклады о жестоком обращении и давлении на заключенных в следственных изоляторах и других местах ограничения свободы.

Власти продолжали направлять письменные предупреждения НПО, политическим партиям и профсоюзам, а также их членам. Так, например, 16 мая Верховный Суд оставил в силе предупреждение Министерства юстиции НПО «Христианская деловая инициатива». Представитель министерства заявил на слушаниях, что НПО не предоставила подробных отчетов о своей деятельности в 2011 году, стенограмм телефонных разговоров и копий переписки представителей НПО, что лидеры организации назвали прямым вмешательством в деятельность НПО.

Преследования в форме проверок, проводимых сотрудниками службы безопасности, а также конфискация политической литературы продолжались.

в) свободы вероисповедания

См. *Международный отчет о свободе вероисповедания* Госдепартамента США на странице: www.state.gov/j/drl/irf/rpt

г) свободы передвижения, прав вынужденных переселенцев, защиты беженцев и лиц без гражданства

Закон гарантирует свободу передвижения, в том числе право на эмиграцию. Тем не менее, власти иногда ограничивали право своих граждан на зарубежные поездки. Власти сотрудничали с Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и другими гуманитарными организациями в области предоставления защиты и помощи лицам, перемещенным внутри страны; беженцам; репатриантам; лицам, ходатайствующим о предоставлении убежища; лицам без гражданства и лицам, положение которых вызывает беспокойство.

Передвижение в пределах страны: Национальный паспорт как официальное удостоверение личности был необходим для регистрации по месту жительства, при устройстве на работу и заселении в гостиницу. Милиция продолжала преследовать лиц, проживавших в месте, отличном от официально записанного в национальном паспорте.

Закон также требует, чтобы лица, посещающие 15-километровую приграничную зону, получали специальный пропуск.

Выезд за рубеж: Власти пополняли базу данных лиц, которым был запрещен выезд за границу, и порой использовали ее, чтобы не дать возможность оппозиционным политикам и активистам гражданского общества покинуть пределы республики. По данным Министерства внутренних дел, список состоял из по меньшей мере 130 000 лиц, которым были запрещены зарубежные поездки, в том числе тех, кто имел доступ к государственной тайне, а также тех, кому были предъявлены уголовные обвинения или гражданские иски, и тех, кто имел невыполненные финансовые обязательства. Некоторые лица были проинформированы письмом о том, что их имена попали в базу данных, другие же получили эту информацию при пересечении границы. В некоторых случаях на границе оппозиционным активистам либо предлагали вернуться домой, либо задерживали для продолжительных обысков.

4 июля Лукашенко отдал приказ запретить лицам, находящимся под специальным «превентивным» надзором КГБ, выезжать за границу. По результатам предварительных уголовных расследований или обысков КГБ был уполномочен надзирать за лицами, чья деятельность «может угрожать национальной безопасности Республики Беларусь, причинять урон государственным или общественным интересам, правам, свободе и законным интересам граждан» и «может привести к совершению последующих преступлений». Министерство внутренних дел, органы безопасности, пограничные и таможенные службы, а также Департамент финансовых расследований имеют право вносить имена людей в списки «превентивного» надзора. Так, например, 19 июля руководителя НПО «Платформа» Андрея Бондаренко пригласили в КГБ, где сообщили, что его имя было добавлено в список «превентивного» надзора. По состоянию на конец года он оставался в этом списке.

На протяжении года власти запретили более чем 20-и демократическим и гражданским лидерам, независимым журналистам, правозащитникам и оппозиционным активистам выезжать за границу на срок до шести месяцев. В марте Лукашенко обвинил оппозицию в подстрекательстве Запада к введению запрета на поездки, а также экономических санкций против его чиновников и близких деловых партнеров. Большинство случаев запрета на выезд за границу были основаны на заявлениях о рассмотрении судебных дел или уклонении от воинской службы. Хотя некоторые активисты и получали от Министерства внутренних дел официальное уведомление в том, что им не запрещено выезжать за рубеж, на границе их снимали с поездов без каких-либо дальнейших объяснений. 29 марта трое оппозиционных лидеров Анатолий Лебедько, Сергей Калякин и Александр Отрощенко, ранее попавшие в списки тех, кому запрещен выезд за границу, были оштрафованы на 350 000 рублей (\$ 41) каждый на закрытом судебном процессе после того, как милиция сняла их с поезда Минск-Москва и задержала на два дня, чтобы не дать добраться из Москвы в Брюссель. Судья отклонил ходатайство Отрощенко о предоставлении адвоката.

6 апреля ГАИ остановила академического директора независимого Белорусского института стратегических исследований Алексея Пикулика, обыскала машину и изъяла у него документы и ноутбук. Милиция отказывалась вернуть ему паспорт по меньшей мере два месяца, не давая таким образом принимать участие в различных конференциях за пределами страны.

Власти откладывали слушания по ряду обращений в связи с запретом на выезд до мая-августа. 22 июня Минский районный суд отклонил апелляцию правозащитника Гарри Погоняйло, который оспорил запрет на выезд и потребовал привлечь к ответственности официальных лиц за нарушение его права на свободу передвижения. Ответственный работник Министерства внутренних дел Алексей Бегун извинился за его «ошибочное» включение в запрещающие списки и продемонстрировал, что имя Гарри Погоняйло было из него удалено. По состоянию на конец года другие демократические активисты могли свободно выезжать за границу.

В президентский указ, согласно которому каждый студент, желающий обучаться за границей, обязан получить разрешение министра образования, 25 июля были внесены поправки. Такое разрешение своим студентам должны выдаваться ректорами вузов. Указ, якобы предназначенный для борьбы с торговлей людьми, по-прежнему требует от Министерства внутренних дел отслеживать граждан, работающих за рубежом, и обязывает агентства по трудоустройству сообщать о лицах, которые не вернулись из-за рубежа в запланированное время.

Высылка: Закон не позволяет принудительную высылку из страны, но источники утверждали, что силовые структуры продолжали угрожать некоторым представителям оппозиции побоями и преследованием в случае, если те не покинут страну, и многие находились в добровольном изгнании. Например, бывший кандидат в президенты Андрей Санников покинул страну в отчетном году, равно как и его главный помощник Дмитрий Бондаренко. Закон позволяет использовать «химию» в отношении осужденных за преступления лиц, и власти использовали эту форму наказания в течение года.

Многие студенты университетов, исключенные из учебных заведений или оказавшиеся под угрозой исключения за свою политическую деятельность, избрали добровольное изгнание. Начиная с 2006 года, более 650 студентов покинули страну, чтобы продолжить учебу в зарубежных университетах. После того, как в сентябре 2011 года Лукашенко помиловал политзаключенных Федора Мирзоянова и Илью Васильевича, те покинули страну, чтобы продолжать образование в Польше. Оба были ранее отчислены из минских вузов и приговорены к трем годам лишения свободы за участие в послевыборных демонстрациях. В феврале Белорусский государственный университет исключил студентку факультета журналистики Настю Шулейко, которая была одним из онлайн-организаторов «молчаливых» протестов в 2011 году. В аналогичной ситуации в феврале из Белорусского национального технического университета по обвинению в плохой посещаемости и за политическую активность был исключен активист «Молодого фронта» Михаил Мусский.

Защита беженцев

Предоставление убежища: Закон предусматривает предоставление убежища или статуса беженца, и власти разработали систему обеспечения защиты беженцев. Хотя любой иностранец имеет право ходатайствовать о предоставлении убежища, власти не предоставили гражданам России ни статуса беженца, ни дополнительной защиты в стране. По условиям Союзного Государства Беларуси и России, россияне могут на законных основаниях селиться и получать вид на жительство благодаря своему российскому гражданству, поэтому им не требуется убежище. Тем не менее, миграционные власти приняли три заявки на предоставление убежища от граждан России в течение года, но одна из них была отозвана самим заявителем.

Принудительное возвращение: На практике власти обеспечивали защиту от высылки или возвращения беженцев в страны, где их жизни или свободе угрожала опасность по причине их

расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

Плохое обращение с беженцами: Лица, ходатайствующие о предоставлении убежища, пользуются свободой передвижения в пределах страны, но должны находиться в регионе, где они подали заявление на получение статуса беженца, и властям должно быть известно место их пребывания, в том числе и в период рассмотрения заявления. По имеющимся сообщениям, власти часто поощряли тех, кто ходатайствовал о предоставлении убежища, селиться в сельской местности. Смена места жительства была возможна только после уведомления органов власти. Власти выдавали лицам, подавшим заявку на получение убежища, именные справки в качестве документа, удостоверяющего личность и защищающего их от высылки. В соответствии с законом, они также должны были регистрироваться местными властями по месту своего жительства, чтобы получить удостоверение личности.

Временная защита: Хотя власти в прошлом и предоставляли временную защиту лицам, которых нельзя было рассматривать в качестве беженцев, на протяжении отчетного года этого не происходило.

В дополнение к статусу беженца, республиканское законодательство в сфере предоставления убежища обеспечивает дополнительную защиту и защиту от принудительного возвращения (в виде временного проживания сроком на один год). В течение года по меньшей мере один человек ходатайствовал о продлении дополнительной защиты, что и было ему обеспечено, а пятеро смогли обеспечить себе защиту от высылки на один год.

Лица без гражданства

По состоянию на 1 января Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев насчитало по всей стране 6 969 лиц без гражданства, из которых 6 559 проживали на постоянной основе, 292 имели временный вид на жительство на срок до трех месяцев, а 118 – временный вид на жительство на срок до одного года. Постоянно проживающие лица без гражданства имели вид на жительство и сравнимые с гражданами права в плане доступа к занятости, за исключением ограниченного числа должностей в государственном секторе, которые могли занимать исключительно граждане республики. Тем не менее, лица без гражданства сталкивались с фактической дискриминацией в сфере занятости, так как власти часто требовали от них селиться в сельской местности, где возможность трудоустройства была ограничена, и запрещали искать работу за пределами этих регионов. На практике лица без гражданства не могли сменить регион проживания.

Согласно официальной статистике, примерно половина лиц без гражданства проживали в сельской местности, то есть в регионах, находящихся за пределами столицы, а также областных и районных административных центров. По данным социологического опроса лиц без гражданства, проведенного Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в 2011 году, около 17 процентов этих людей проживали в Республике Беларусь до 1991 года и получили статус лиц без гражданства после распада Советского Союза. Примерно 65 процентов прибыли в 1992-2000 годах и только 19 процентов – после 2001.

Раздел 3. Соблюдение политических прав: право граждан на смену правительства

Закон гарантирует гражданам право на смену правительства мирным путем, однако на практике власти неизменно отказывали гражданам в этом праве.

С момента своего избрания в 1994 году на четырёхлетний срок в качестве первого президента страны, Лукашенко постепенно консолидировал всю власть в своих руках, стремясь доминировать над всеми ветвями власти и практически уничтожив разделение полномочий между ветвями власти. Посредством референдумов, которые состоялись в 1996 и 2004 годах и не соответствовали демократическим стандартам, он внес поправки в конституцию, расширив собственные полномочия, продлив срок своего пребывания на посту и устранив ограничения на количество президентских сроков. Во время каждых последующих президентских выборов, в том числе и тех, которые состоялись в 2010 году, гражданам продолжали отказывать в праве на выражение своей воли и в выборе кандидатов, которые конкурировали бы между собой в ходе честной и прозрачной предвыборной кампании и имели бы равный доступ к независимым СМИ и ресурсам.

Выборы и участие в политической жизни

Последние выборы: Во время президентских выборов 2010 года были допущены многочисленные процедурные нарушения, отсутствовала прозрачность и подотчетность, что нашло свое отражение в отчете миссии наблюдения БДИПЧ ОБСЕ. Согласно отчету миссии наблюдателей, стране по-прежнему предстоит пройти «значительный путь к выполнению своих международных обязательств». Наблюдатели БДИПЧ ОБСЕ оценили подсчет голосов как «плохой или очень плохой почти в половине всех избирательных участков, где велось наблюдение», и отметили случаи явного вброса бюллетеней и фальсификаций. Хотя кандидаты от оппозиции пользовались несколько большей свободой во время регистрации своих кандидатур и проведения агитации, чем на предыдущих выборах, предвыборная кампания оставалась крайне ограниченной, а власти преследовали независимые газеты, оппозиционные политические партии и независимые НПО в течение всего года, что ограничивало возможность оппозиции провести эффективные избирательные кампании.

По данным миссии БДИПЧ ОБСЕ, общенациональное вещание отводило до 90 процентов посвященного политическим вопросам времени освещению деятельности Лукашенко, а оппозиционные кандидаты представлялись в весьма негативном свете. Несмотря на номинальный рост представительства оппозиции в избирательных комиссиях, власти по-прежнему не допускали оппозиционеров к участию в работе избирательных комиссий всех уровней. Большинство наблюдателей на местных избирательных участках, похоже, представляли провластные НПО, а многие из них заранее получили инструкции говорить зарубежным наблюдателям, что все процедуры были «в порядке», а также преследовать независимых наблюдателей.

Тем не менее, наиболее серьезные нарушения произошли после закрытия избирательных участков, когда, по наблюдению миссии БДИПЧ ОБСЕ, ситуация «значительно ухудшилась». Во многих случаях международные наблюдатели сообщали, что подсчет голосов проводился молча и на достаточном расстоянии, которое не позволяло оценить его качество. Поступил ряд сообщений о том, что результаты голосования изменялись, пока урны для голосования перевозили с избирательных участков в окружные избирательные комиссии. Ни одна действительно независимая организация не получила разрешения на проведение экзит-пулов, но, по мнению независимой НПО «За справедливые выборы», осуществлявшей наблюдение на 250 избирательных участках по всей стране, Лукашенко не удалось получить 50 процентов голосов, необходимых для победы в первом туре. По официальным же сведениям, он набрал 79,65 процентов голосов в конкурентной борьбе с девятью другими кандидатами.

Выборы в нижнюю палату Национального Собрания состоялись 23 сентября. В заключительном докладе миссии БДИПЧ ОБСЕ отмечалось, что выборы не соответствовали международным стандартам демократических выборов и что недостатки, отмеченные на выборах 2010 года, повторились снова. В докладе заявлялось, что, несмотря на некоторые улучшения в избирательном законодательстве, многие обязательства ОБСЕ, в том числе право граждан объединяться, выдвигаться в качестве кандидатов, а также свободно выражать свои взгляды, не были соблюдены. Выборы также не были беспристрастными, особенно касательно состава избирательных комиссий; честный подсчет голосов не мог быть гарантирован, а рассмотрение жалоб и апелляций не гарантировало эффективного средства правовой защиты.

Политические партии: Власти постоянно преследовали независимые политические партии и их активистов, а также чинили препятствия их деятельности. Некоторые оппозиционные партии не имели юридического статуса, так как власти отказали им в регистрации. Власти регулярно вмешивались в право партий на организацию, участие в выборах, получение голосов и пропаганду своих взгляды. Примерно полдюжины преимущественно неактивных пролукашенковских политических партий имели возможность работать свободно, хотя они, похоже, были не более чем фиговым листком для системы, которая де-факто исключает партийную политическую деятельность.

Закон позволяет властям приостанавливать деятельность партий сроком на шесть месяцев после одного предупреждения, а также закрывать их после двух предупреждений. В течение года политические партии не получили никаких формальных «предупреждений» за мелкие правонарушения. Тем не менее, члены незарегистрированных партий, таких как Белорусская христианская демократия, по-прежнему подвергались преследованиям и произвольным проверкам. Закон также запрещает политическим партиям получать поддержку из-за рубежа и требует от всех политических групп и коалиций зарегистрироваться в Министерстве юстиции.

Власти продолжали преследовать непризнанный Союз поляков Беларуси и его членов.

Участие в политической жизни женщин и представителей меньшинств: Не существовало законов, которые бы не позволяли женщинам или представителям меньшинств голосовать или принимать участие в политической жизни наравне с мужчинами или представителями большинства.

В нижней палате Национального Собрания женщины занимали 29 мест из 109, в верхней палате – 20 мест из 58. Только одно из 24 Министерств в правительстве возглавляла женщина. Национальный банк и Центральную избирательную комиссию также возглавляли женщины. Данные об участии представителей меньшинств в правительстве были недоступны.

Раздел 4. Коррупция и отсутствие прозрачности в деятельности властей

Закон предусматривает уголовную ответственность за коррупцию на рабочем месте, однако, согласно информации, чиновники по-прежнему были вовлечены в коррупционную деятельность. В соответствии с индексом эффективности государственного управления, публикуемым Всемирным банком, коррупция являлась в стране серьезной проблемой. По данным официальных источников, в большинстве случаев коррупция выражалась в вымогательстве и получении взяток, мошенничестве и злоупотреблении властью. 8 октября Лукашенко выступил с критикой прокуратуры за то, что она не в состоянии была вести «борьбу с коррупцией» и что борьба эта должна быть «более активной».

Отсутствие независимой судебной системы и правоохранительных органов, разделения полномочий, независимых СМИ практически привело к невозможности оценить масштабы коррупции и вести с ней эффективную борьбу.

Генеральная прокуратура несет ответственность за организацию и координацию деятельности по борьбе с коррупцией, в том числе за мониторинг правоохранительных операций, анализ эффективности принятых мер, надзор за сторонами, вовлеченными в этот процесс, и дальнейшую разработку законодательства.

Власти сообщали, что в течение года было выявлено 1 779 коррупционных преступлений, что на 26,4 процента меньше по сравнению с 2011 годом. На взяточничество среди них приходилось 933 случая, злоупотребление служебным положением или властью – 224 случаев и хищение путем злоупотребления служебным положением - 546 случаев. Число лиц, осужденных за эти преступления, сократилось на 15 процентов по сравнению с 2011 годом и достигло 1 151. Наиболее высокий уровень коррупции был зарегистрирован в промышленности, образовании, сельском хозяйстве, здравоохранении и строительстве. В соответствии с информацией прокуратуры, средний размер взятки в американской валюте составлял \$ 300, а самая большая взятка составила \$ 500 000.

В течение года представители органов, ответственных за поддержание безопасности государства, в том числе финансовая разведка, Министерство обороны, таможенные и пограничные органы, совершили 116 коррупционных преступлений по сравнению с 252 преступлениями в 2010 году, или 4,8 процента от всех коррупционных преступлений. Военная прокуратура в течение года рассмотрела и передала в суд 11 дел о коррупции и возместила более чем 60 миллионов рублей (\$ 7 018) за моральный ущерб, причиненный коррупционными действиями.

На протяжении года расследовались многочисленные коррупционные дела, однако судебное преследование по-прежнему было избирательным, непрозрачным, а в некоторых случаях - политически мотивированным. Например, 6 сентября суд в Минске приговорил бывшего заместителя председателя облисполкома к семи годам лишения свободы по обвинению в получении крупной взятки. Его сообщник получил пять лет лишения свободы.

Закон, политика правительства и президентский указ строго ограничивали общественный доступ к правительственной информации. Граждане имели некоторый доступ к определенным категориям информации в государственных базах данных и на веб-сайтах, однако большая часть этой информации не обновлялась и не пополнялась.

Раздел 5. Отношение властей к расследованию международными и неправительственными организациями предполагаемых нарушений прав человека

В стране действовал ряд активных национальных правозащитных НПО, однако власти нередко относились враждебно к их деятельности, не сотрудничали с ними и не реагировали на их мнение.

Три известных правозащитных НПО: Белорусский Хельсинский комитет, Центр по правам человека и Центр правовых трансформаций – по-прежнему остались зарегистрированными. Правительство отказывало в регистрации многочисленным НПО, тем самым подвергая их риску уголовного преследования в соответствии со статьями Уголовного кодекса, запрещающими организацию и участие в любой деятельности незарегистрированной организации. Закон также запрещает лицам действовать от имени незарегистрированных НПО. Различные незарегистрированные НПО,

включая «Весну», Комитет по защите репрессированных «Солидарность», «Правозащитный альянс», «Правовую помощь населению», «Платформу» и «За свободу вероисповедания», продолжали работать, несмотря на систематические преследования со стороны властей. Власти преследовали как зарегистрированные, так и незарегистрированные НПО, подвергали их частым проверкам и угрожали отозвать регистрацию, а также отслеживали их переписку и телефонные разговоры. Власти преследовали семьи лидеров НПО и активистов гражданского общества. Власти игнорировали доклады, выпущенные правозащитными НПО, и редко встречались с ними. Государственные СМИ никак не освещали деятельность правозащитных НПО, а независимые СМИ, которые сообщали о их правозащитной деятельности, рисковали быть закрытыми или стать жертвами преследования.

Власти могут закрыть НПО после вынесения всего лишь одного предупреждения за нарушение закона. Наиболее распространенными основаниями для вынесения предупреждений или закрытия были невозможность получить юридический адрес и технические несоответствия в поданных документах. Закон позволяет властям закрывать НПО за «незаконное получение» иностранной помощи и позволяет Министерству юстиции вмешиваться в любую деятельность НПО и просматривать любые документы НПО. НПО также обязаны ежегодно предоставлять министерству подробные отчеты о своей деятельности, офисах, сотрудниках и общем количестве членов.

Президентским указом 2008 года была десятикратно увеличена арендная плата для большинства НПО. До этого НПО платили порядка одного евро (\$ 1,32) за квадратный метр офисной площади по сравнению с 10 евро (\$ 13), которые платили коммерческие организации. В то время как некоторые группы, в том числе юношеские спортивные объединения, благотворительные организации и художественные детские центры, продолжали платить арендную плату в размере одного евро, независимые НПО были обязаны платить по более высокой ставке. Некоторые НПО были вынуждены из-за более высокой арендной платы закрыться или переехать. В 2010 году высокопоставленный чиновник Комитета госимущества заявил, что чтобы получить право на снижение арендной ставки, НПО должны активно поддерживать политику правительства.

26 ноября незарегистрированную правозащитную НПО «Весна» вынудили выехать из принадлежащего ей в течение 12 лет офиса, который был изъят в соответствии с приговором, вынесенным ныне заключенному лидеру НПО Алесю Беляцкому. Организация использовала квартиру Беляцкого в качестве офиса, поскольку была не в состоянии арендовать помещение, не будучи зарегистрированной. На протяжении года счета БХК оставались заблокированными в связи с двумя письменными предупреждениями по поводу налоговой задолженности, а также жалобой на репрессии режима в отношении юристов, которую организация направила в ООН. В 2008 году Верховный суд разрешил Министерству юстиции отозвать ходатайство о приостановлении деятельности БХК. Однако банковские счета НПО оставались заблокированными, а вопросы предполагаемых налоговых задолженностей - нерешенными.

КГБ продолжал преследовать НПО, а также членов и активистов политических партий, публикуя клеветнические статьи и информацию о них в СМИ. Так, например, в ноябре 2011 года лидер «Весны» Алесь Беляцкий был признан виновным по политически мотивированному делу о крупномасштабном сокрытии доходов и уклонении от уплаты налогов и приговорен к четырем с половиной годам лишения свободы. Государственные средства массовой информации продолжали транслировать и печатать оскорбительные материалы, посвященные Беляцкому и «Весне», обвиняя его в хищении средств доноров и называя «преступником».

Власти не желали сотрудничать по проблемам прав человека с международными НПО и другими должностными лицами в области прав человека, а международные представители НПО нередко испытывали трудности при получении разрешения на посещение страны. Так, например, в феврале власти отказали во въезде в страну немецкому комиссару по правам человека Маркусу Ленингу, который планировал встретиться с семьями политических заключенных, оппозиционными активистами и представителями властей. Министерство иностранных дел заявило, что «вклад» Ленинга в развитие белорусско-германских отношений не был «позитивным».

Власти регулярно игнорировали рекомендации местных и международных НПО по вопросу улучшения ситуации с правами человека в стране, а также их просьбы прекратить преследование НПО.

ООН и другие международные организации: В 2010 году представитель Министерства иностранных дел заявил, что для продления мандата Офиса ОБСЕ в Минске не было «никаких объективных причин», несмотря на то, что мандат офиса не был выполнен, а также несмотря на призывы со стороны ЕС и других продлить мандат. Офис работал с 2003 года в соответствии с мандатом, направленным на оказание помощи стране в области усиления верховенства закона, а также в решении экономических и экологических задач. Прежний офис ОБСЕ с более широким мандатом был закрыт в 2001 году. Власти утверждали, что мандат ОБСЕ «был выполнен», ссылаясь на ранее состоявшееся закрытие миссий ОБСЕ в соседних странах. 4 октября пресс-секретарь МИД еще раз подтвердил, что «время убедительно доказало правильность нашей позиции [о закрытии]» и объяснил закрытие миссии ОБСЕ попыткой «оптимизировать» расходы ОБСЕ.

В сентябре Совет ООН по правам человека назначил Миклоша Харашти Спецдокладчиком по ситуации с правами человека в Беларуси. Власти заявили, что отказываются от любого сотрудничества с миссией Спецдокладчика и, соответственно, он не смог приехать в страну.

Правительственные органы по правам человека: В нижней палате представителей действовала постоянная комиссия по правам человека, однако ее деятельность не была эффективной.

Раздел 6. Дискриминация, притеснения в обществе и торговля людьми

Закон запрещает дискриминацию по признаку расы, пола, языка или социального статуса. Закон не запрещает дискриминацию в отношении лиц с ограниченными возможностями в нескольких ключевых областях. На практике власти не всегда соблюдали эти запреты. Существовала проблема насилия в отношении женщин и детей, торговли людьми, дискриминации в отношении лиц с ограниченными возможностями, цыган, этнических меньшинств, а также лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов (ЛГБТ).

Женщины

Изнасилование и домашнее насилие: Закон в целом предусматривает уголовное преследование за изнасилование, но не включает в себя отдельные положения об изнасиловании в браке. Проблема изнасилования существовала. Однако большинство женщин не сообщали об изнасиловании из-за стыда или страха перед тем, что милиция может обвинить в нем саму жертву. По данным Министерства внутренних дел, в январе-сентябре было зарегистрировано 68 случаев изнасилования, что на 32,7 процента меньше, чем за аналогичный период 2011 года.

Бытовое насилие, включая насилие в семье в отношении женщин, было значительной проблемой. В феврале 2011 года Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека выразило серьезную озабоченность по поводу сохранения насилия в отношении женщин, в частности бытового и сексуального насилия, заниженных сведений о нем, отсутствия судебного преследования в случаях проявления насилия в семье и того факта, что изнасилование было скорее частной проблемой, чем предметом официального судебного разбирательства, а также отсутствием приютов для жертв домашнего насилия.

Государственным районным центрам социального обслуживания населения по всей стране принадлежало 47 «кризисных» помещений для жертв, в том числе, жертв домашнего насилия; еще два приюта для жертв насилия в семье находились в монастырях и управлялись НПО.

Уголовный кодекс не содержит отдельной статьи, касающейся борьбы с бытовым насилием. По данным исследования, опубликованного Центром социологических и политических исследований БГУ в марте 2010 года, четыре из пяти женщин в возрасте от 18 до 60 лет заявляли, что подвергались психологическому насилию в своих семьях. Каждая четвертая женщина страдала от физического насилия, а 13 процентов женщин сообщили, что были жертвами сексуального насилия со стороны своих партнеров. Женщины по-прежнему неохотно сообщали о домашнем насилии из-за страха наказания и общественного осуждения, а также боясь того, что если агрессор будет оштрафован, финансовое бремя падет на семью. По данным исследования, только 6 процентов мужчин и 46 процентов женщин, ставших жертвами домашнего насилия, обращались за профессиональной помощью. При поддержке НПО работали кризисные центры, в первую очередь в Минске, но они недостаточно финансировались и получали лишь ограниченную помощь со стороны властей. Усилия властей по борьбе с гендерным насилием в основном были направлены на предотвращение таких преступлений, а не на защиту жертв или оказание им помощи, хотя «кризисные» помещения предоставляли ограниченную психологическую и медицинскую помощь пострадавшим. Власти не устраняли коренных причин насилия, среди которых алкоголизм, социальная стигма и гендерные стереотипы.

В период с января по октябрь властями было зарегистрировано 1 502 преступлений на бытовой почве, в том числе 88 случаев умышленного убийства, 219 случаев умышленного нанесения тяжких телесных повреждений и 234 случая применения пыток.

Сексуальные домогательства: Сексуальные домогательства, по имеющимся сообщениям, были широко распространены, но не было никаких конкретных законов, направленных на решение этой проблемы, кроме тех, что предусматривают наказание за физическое насилие.

Репродуктивные права: Пары и отдельные лица имеют право самостоятельно определять, сколько иметь детей, когда и с каким интервалом, а также обладают необходимой информацией и средствами, чтобы делать это в условиях, свободных от дискриминации. Информация о контрацепции и квалифицированная помощь при родах и послеродовой уход были широко доступны. Женщины и мужчины имели равный доступ к диагностическим услугам и лечению инфекций, передающихся половым путем.

Дискриминация: Закон предусматривает равноправие женщин в отношении собственности, наследования, семейного права и правосудия, и такое равноправие, как правило, соблюдалось на практике. Закон также требует равной оплаты труда, но это положение не всегда соблюдалось.

Национальный статистический комитет сообщил, что по состоянию на 1 декабря 48,2 процента безработных составляли женщины, по сравнению с 62,8 процентами в декабре 2011 года. Комитет также отметил, что в среднем мужчины находили новую работу в течение одного месяца, а женщинам на это требовалось более двух месяцев. Женщины также составляли две трети всех зарегистрированных безработных, искавших работу более года.

В верхних эшелонах руководства и управления женщин было немного, большинство же женщин были заняты в низкооплачиваемом государственном секторе. Женские организации также выражали озабоченность тем, что бедность приобретает женское лицо и особенно затрагивает женщин, имеющих более двух детей, семьи, где мать одна воспитывает детей, женщин, которые заботятся о родных с ограниченными возможностями или престарелых, а также сельских женщин и женщин пожилого возраста.

Закон предоставляет женщинам право на три года декретного отпуска с гарантией сохранения рабочего места по возвращению. Тем не менее, работодатели часто обходили эти меры защиты занятости посредством подписания краткосрочных контрактов и отказывались продлевать контракт с женщиной, если она беременела. Некоторые женщины трудились в экстремальных и опасных условиях.

Дети

Регистрация рождения: Гражданство предоставляется либо по рождению на территории страны, либо по гражданству родителей. Ребенок гражданина страны является гражданином страны независимо от места рождения, даже если один из родителей не имеет гражданства. Обычно новорожденные регистрировались немедленно.

Образование: Продолжали поступать отдельные сообщения о том, что дети цыган страдали от преследований со стороны других детей и учителей. Большинство молодых цыган не заканчивали среднюю школу и не могли поступить в вузы, хотя ситуация и улучшилась, поскольку все большее число цыганских детей из смешанных семей поступали в вузы и получали степень бакалавра, в том числе и в регионах. Специальных школьных программ для цыган не существовало, хотя такие программы для евреев, этнических литовцев и поляков были.

Жестокое обращение с детьми: Изнасилования или сексуальные преследования в отношении заведомо несовершеннолетних наказываются сроком до 15 лет лишения свободы. Половые акты между лицом старше 18 лет и лицом, заведомо не достигшим 16-летнего возраста, наказываются лишением свободы сроком до пяти лет. По данным неправительственных организаций, оказывающих помощь детям-жертвам насилия, власти сообщили о возбуждении примерно 238 уголовных дел на протяжении года, когда дети были жертвами различных форм сексуального насилия, издевательств, включая изнасилования. Министерство образования сообщало о случаях эмоционального и физического насилия в отношении детей, не требовавших судебно-медицинского разбирательства. Согласно последним доступным статистическим данным, в 2006 году примерно 10 процентов детей в возрасте от 10 до 17 лет стали жертвами психологического насилия в семьях, а 4,5 процента - жертвами физического насилия.

Браки среди детей: Установленный законом минимальный возраст вступления в брак для девушек и юношей составляет 18 лет, хотя девушки в возрасте от 14 лет могут законно вступать в брак с согласия родителей. В течение года поступали сообщения о браках с участием детей, когда девушки в возрасте 14 лет и юноши в возрасте 16 лет вступали в брак с согласия родителей.

Власти зарегистрировали в 2011 году 904 брака с участием детей по сравнению с 856 в 2010 году. В большинстве случаев дети вступали в брак с согласия родителей.

Сексуальная эксплуатация детей: Минимальный возраст вступления в сексуальные отношения по обоюдному согласию – 16 лет. Детская проституция являлась проблемой. По данным Министерства внутренних дел, в период с января по сентябрь 44 несовершеннолетних стали жертвами торговли людьми с целью их сексуальной эксплуатации. Закон предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 13 лет за изготовление и распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетних. В целом закон работал. Согласно информации, на протяжении года министерство зарегистрировало 40 уголовных дел, связанных с производством и распространением детской порнографии, в том числе 34 случая распространения порнографии в Интернете.

Дети на попечении государства: Не существовало никакой системы мониторинга жестокого обращения с детьми в детских домах и других специализированных учреждениях. Власти не сообщали ни о каких случаях жестокого обращения с детьми. В период с 2007 по 2008 годы Министерство образования совместно с ЮНИСЕФ провели опрос общественного мнения с целью оценить ситуацию с жестоким обращением с детьми в стране. По данным министерства, 20 процентов детей в возрасте от 10 до 17 лет, находившихся на попечении государства, сообщали о психологическом насилии со стороны членов семьи, а 22 процента о том, что они стали жертвами физического насилия. Независимые эксперты полагают, что цифры, скорее всего, были бы выше, поскольку около 30 процентов детей отказались отвечать на этот вопрос.

Международное похищение детей: Страна являлась участницей Гаагской конвенции 1980 года о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, но не подписывала такого соглашения с Соединенными Штатами.

Антисемитизм

По оценкам еврейских организаций, от 30 000 до 40 000 лиц считали себя евреями. Большинство из них не проявляли религиозной активности.

По-прежнему имели место проявления антисемитизма, однако в меньшей степени, и власти время от времени расследовали такие акты. Культовые места становились объектами посягательств вандалов. Так, например, 4 июня еврейская община Могилева сообщила о нападении вандалов на мемориал памяти жертв Холокоста на месте бывшего городского еврейского гетто. Большая часть мемориала была залита коричневой краской. Подозреваемые не были задержаны.

Власти не способствовали борьбе с предубеждениями и воспитанию толерантности. Еврейские общины и общественные активисты выражали озабоченность по поводу концепции «великого славянского союза», которая была популярна среди националистических организаций, в том числе у неонацистской группировки «Русское национальное единство», продолжавшей свою деятельность, несмотря на официальный роспуск в 2000 году. По широко распространенному мнению, неонацисты несли ответственность за проявления антисемитизма по всей стране. Антисемитские и русские ультранационалистические газеты, литература, DVD и видеокассеты, привезенные из России, по-прежнему были в продаже.

Торговля людьми

См. Отчет о ситуации с торговлей людьми на сайте Госдепартамента США: www.state.gov/j/tip

Лица с ограниченными возможностями

Закон не содержит запрета на дискриминацию в отношении лиц с ограниченными физическими, сенсорными, интеллектуальными или умственными возможностями в области трудоустройства, образования, пользования самолетами и другими видами транспорта, доступа к медицинской помощи, а также другим государственным услугам, но на практике такая дискриминация была распространенным явлением.

Министерство труда и социальной защиты является основным государственным ведомством, ответственным за защиту прав лиц с ограниченными возможностями, на долю которых в республике приходится более полумиллиона человек. Закон предписывает, чтобы транспорт, жилые дома и предприятия были доступны для инвалидов. Однако на практике не многие общественные места были доступны для инвалидных колясок. По оценкам Национальной ассоциации инвалидов-колясочников, более 90 процентов лиц с ограниченными физическими возможностями не могли выбраться из дома без посторонней помощи, а места их проживания не были приспособлены для нужд инвалидов-колясочников. В то время как власти утверждали, что 30 процентов всей инфраструктуры страны была доступной, организации, защищающие права инвалидов, оспаривали эту цифру.

Согласно сообщениям, введенная властями семичасовая продолжительность рабочего дня для лиц с ограниченными возможностями в итоге привело к тому, что предприятия не хотели брать их на работу. Местные НПО сообщали, что 80 процентов людей с ограниченными возможностями были безработными. Власти предоставляли минимальные пособия для людей с ограниченными возможностями, а при начислении пенсии инвалидность вообще не учитывалась. Представители белорусских паралимпийских команд получали половину зарплаты и денежных призов по сравнению со спортсменами, не являющимися инвалидами.

Отсутствие в стране возможностей для самостоятельного проживания не оставляло многим людям с ограниченными возможностями другого выбора, кроме как жить в государственных учреждениях. По всей стране существовало около 70 таких учреждений. НПО по правам людей с ограниченными возможностями сообщали, что качество медицинской помощи в этих учреждениях было низким и что там наблюдались случаи жестокого обращения и насилия. Лиц с ограниченными физическими возможностями и лиц с психическими отклонениями часто помещали вместе в одном лечебном учреждении и не оказывали им специализированной помощи. Общественный транспорт был бесплатным для лиц с ограниченными возможностями, но ни метро, ни автобусы в Минске не были оборудованы для инвалидных колясок. Согласно официальной статистике, 2 процента всего общественного транспорта в стране было приспособлено для таких нужд.

Негосударственные организации по правам людей с ограниченными возможностями сообщали о трудностях в проведении мероприятий в поддержку инвалидов из-за препятствий, ограничивающих свободу собраний, цензуры материалов, а также нежелания властей регистрировать проекты, направленные на оказание помощи.

Правозащитники также отмечали, что инвалиды, особенно слепые и глухонемые, не имели возможности отстаивать свои нарушаемые права свободно и в полном объеме, поскольку суды часто не предоставляли им специальное оборудование и не обеспечивали сурдоперевод.

Национальные, расовые и этнические меньшинства

По-прежнему сохранялась дискриминация со стороны государства и общества в отношении этнических поляков и цыган. Существовали также проявления враждебности по отношению к сторонникам белорусской национальной культуры, которых власти часто отождествляли с представителями демократической оппозиции, неоднократно называемой Лукашенко «пятой колонной».

Власти продолжали преследовать независимый незарегистрированный Союз поляков Беларуси (СПБ). Так, например, 1 июня суд города Гродно приговорил одного из лидеров СПБ Игоря Банцера к 13 суткам административного ареста за сопротивление полиции и участие в несанкционированной акции протеста против предполагаемого открытия русскоязычных классов в школе, где в значительной степени присутствовали этнические поляки. Как стало известно, перед задержанием сотрудники милиции избили Банцера. 7 июня власти оштрафовали трех активистов СПБ на сумму около пяти миллионов рублей (\$ 585) за участие в несанкционированной акции протеста, опять же в Гродно. Из 20 активистов, задержанных во время акции протеста, власти оштрафовали по меньшей мере 13 человек.

По-прежнему имела место дискриминация со стороны государства и общества в отношении цыган, которых в стране насчитывалось от 10 до 20 тысяч. Цыганская община продолжала сталкиваться с высоким уровнем безработицы, а ее представители имели низкий уровень образования. Согласно последней доступной информации, власти оценивали уровень безработицы среди цыган практически в 80 процентов. Цыганам часто отказывали в возможности получить высшее образование в государственных вузах.

Русский и белорусский языки имеют равный правовой статус, однако на практике власти в основном использовали русский язык. Согласно независимому опросу, подавляющее большинство населения пользовалось русским языком как родным. Поскольку власти рассматривали сторонников белорусского языка как политических противников режима, они продолжали преследовать и запугивать научные и культурные сообщества, которые стремились содействовать расширению сферы использования белорусского языка, а предложения по расширению использования языка регулярно отклонялись.

Преследования в обществе, дискриминация и акты насилия по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности

Гомосексуализм не преследуется по закону, но дискриминация в отношении представителей ЛГБТ-сообщества была широко распространена и случаи их преследования имели место.

Власти постоянно отказывали ЛГБТ-группам в разрешении на проведение массовых мероприятий, в том числе гей-парадов. 6 апреля Минские городские власти отклонили заявку правозащитной инициативы «ГейБеларусь» на проведение 9 апреля на окраине Минска пикета в составе семи человек с целью повысить осведомленность людей о правах ЛГБТ. В начале мая власти отклонили три заявки ЛГБТ-сообщества на проведение демонстрации, посвященной Международному дню борьбы с гомофобией и трансфобией в Минске.

В декабре 2011 года власти отказали в регистрации «Альтернативе плюс» - организации по защите прав геев, - ссылаясь на незначительные ошибки в информации об учредителях, такие как неправильно написанное имя и неправильно указанная дата рождения. Социальная дискриминация ЛГБТ-активистов сохранялась. В марте Лукашенко высказывал критику в адрес

политиков ЕС, говоря, что «лучше быть диктатором, чем геем» - очевидный выпад в адрес министра иностранных дел Германии Гидо Вестервелле. В октябре 2011 года Лукашенко высказал сожаление по поводу того, что сказал министру иностранных дел Германии, что тот «должен был вести нормальную жизнь», предположительно критикуя его гомосексуальное поведение на закрытом совещании в 2010 году. Ранее он заявлял, что не понимает, как двое мужчин могут жить вместе, и что «с большим удовольствием» сослал бы геев в колхозы.

Другие проявления насилия и дискриминации в обществе

Социальная дискриминация лиц с ВИЧ/СПИД по-прежнему представляла собой проблему, а сама болезнь вызывала серьезное осуждение. Офис объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИД сообщал о многочисленных свидетельствах ВИЧ-инфицированных лиц, которые сталкивались с дискриминацией, особенно на рабочих местах и во время собеседований с потенциальными работодателями.

По данным опубликованного в феврале 2011 года исследования Фонда ООН в области народонаселения, 30,8 процентов опрошенных врачей заявили о своем нежелании работать с ВИЧ-позитивными лицами. Только 8,1 процента выразили положительное отношение к ВИЧ-инфицированным пациентам. Более 16 процентов врачей сообщили, что им не хватало знаний для эффективного лечения таких пациентов.

В течение года ряд неправительственных организаций по защите прав ВИЧ-инфицированных продолжали выражать серьезную озабоченность по поводу дискриминационного закона 2011 года, направленного на предупреждение распространения этого вируса и других опасных и преимущественно заразных заболеваний. Закон был принят правительством, несмотря на многочисленные обращения и ходатайства НПО с просьбой отозвать его или внести поправки. По словам эксперта ПРООН, такой закон будет стигматизировать ВИЧ-инфицированных, «загоняя их подполье». Закон расширяет перечень оснований для принудительного тестирования на ВИЧ и требует от ВИЧ-позитивных лиц информировать всех бывших партнеров о своем статусе. По данным правозащитников, закон способствует дальнейшему общественному осуждению не только ВИЧ-инфицированных, но и их родственников, нарушает их право на конфиденциальность и врачебную тайну, а также отталкивает их от государственных медицинских и социальных учреждений.

Хотя правительство и приняло национальную программу по борьбе с ВИЧ на 2011-2015 годы, впервые предусматривающую выделение средств на закупку импортных антиретровирусных препаратов для лечения ВИЧ-инфицированных, почти трехкратная девальвация валюты в стране в 2011 году значительно сократила эффективную покупательную способность выделенных на решение этой задачи средств. Власти продолжали показывать на телевидении и размещать социальную рекламу с целью повысить в обществе осведомленность о ВИЧ/СПИД и призвать к большей терпимости в отношении лиц, инфицированных этим вирусом.

Также часто поступали сообщения о дискриминации в семьях в отношении ВИЧ-позитивных родственников. Это мог быть запрет ВИЧ-инфицированным родителям на общение с детьми или требование, чтобы ВИЧ-инфицированные члены семьи пользовались в доме отдельной посудой.

Раздел 7. Права трудящихся

а) свобода объединений и право на ведение коллективных переговоров

Хотя закон и защищает права трудящихся, за исключением сотрудников спецслужб и военных, на создание независимых профсоюзов и вступление в них, а также на проведение забастовок, он вводит целый ряд ограничений этих прав. Закон предусматривает право на организацию и ведение коллективных переговоров в целом, но не защищает от антипрофсоюзной дискриминации.

На практике власти полностью приспособили к своим нуждам конфедерацию профсоюзов, которая представляла интересы почти всех трудящихся и в значительной степени напоминала своих предшественников советских времен. Существовала немногочисленная Федерация независимых профсоюзов, которая представляла около 10 000 трудящихся, но жесткий контроль правительства над требованиями к регистрации и публичными демонстрациями затруднял возможность профсоюзов организовываться и бастовать. Непомерно высокие требования к регистрации вынуждали новые союзы иметь большое количество членов, а совместные действия властей и работодателей создавали серьезные препятствия в деле формирования профсоюзов. Согласно полученной информации, государственный контроль в связи с продолжающимся экономическим кризисом только усиливался, а власти отчаянно сопротивлялись попыткам трудящихся покидать официальные профсоюзы и присоединяться к независимым.

Во многих случаях администрация предприятий и местные власти блокировали попытки трудящихся организовывать забастовки, признавая их незаконными. Правовые требования к проведению забастовок высокие. Забастовки, например, могут проводиться только через три месяца после того, как не удалось урегулировать спор между профсоюзом и работодателем. Кроме того, во время забастовки должно продолжать работу минимальное количество трудящихся. На практике эти требования не играли важной роли, поскольку профсоюзы, представлявшие практически всех трудящихся страны, находились под контролем властей. Государственные органы и руководство государственных предприятий регулярно вмешивались в профсоюзную деятельность и препятствовали трудящимся в ведении коллективных переговоров, в некоторых случаях произвольно приостанавливая действие коллективных договоров. Члены профсоюзов, участвовавшие в общественных демонстрациях, подвергались арестам и задержаниям.

На практике власти относились к независимым профсоюзам не слишком терпимо. Подконтрольная властям Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ) была самой крупной профсоюзной организацией с задекларированным числом членов приблизительно в четыре миллиона членов, однако это, по всей вероятности, завышенная цифра, поскольку общее количество трудящихся в стране составляло около четырех миллионов. Белорусский конгресс демократических профсоюзов (БКДП), состоящий из четырех учредительных союзов и насчитывающий около 10 000 членов, был крупнейшей независимой зонтичной профсоюзной организацией.

В ежегодном обзоре Международной конфедерации профсоюзов о нарушениях прав профсоюзов за 2012 год отмечалось, что в ноябре 2011 года власти приняли поправки в закон о массовых действиях, вводящий серьезные ограничения на проведение демонстраций, митингов и другие общественные действия, что ограничивало право профсоюзов организовываться и проводить забастовки.

В течение года власти по-прежнему прилагали усилия к подавлению независимых профсоюзов, прекращению профсоюзной деятельности и полному контролю над деятельностью профсоюзов, что часто приводило к отказам продлевать трудовые договоры с членами независимых

профсоюзов и регистрировать их. По информации лидера БКДП Александра Ярошука, ни одна независимая профсоюзная организация не была создана с момента подписания в 1999 году указа, согласно которому профсоюзы обязаны получать официальную регистрацию. Трудящихся, признанных «неформальными лидерами», или тех, кто сам присоединился к НПО или оппозиционной политической деятельности, за такую деятельность регулярно увольняли с работы.

Местные власти продолжали отклонять многочисленные заявки на регистрацию от витебского, могилевского, гомельского отделений Белорусского профсоюза работников электронной промышленности (РЭП). По свидетельству РЭП, власти отказались перерегистрировать отделение в Могилеве в связи с тем, что в результате преследований со стороны чиновников собственник помещения, в котором располагался РЭП, не согласился зарегистрировать офис в качестве юридического адреса РЭП. В 2009 году суд города Могилева оставил в силе отказ в регистрации. Дальнейшие попытки перерегистрироваться в Могилеве также были безрезультатными. На протяжении отчетного года РЭП не подавал заявок на регистрацию своих отделений в Витебске, Могилеве и Гомеле.

15 февраля сотрудники Генпрокуратуры провели трехчасовой допрос Александра Ярошука, угрожая тем, что привлекут его к уголовной ответственности за призывы к ЕС прекратить закупки белорусских товаров до тех пор, пока власти не остановят преследование независимых профсоюзов.

В аналогичном случае, 22 мая, районный суд города Минска предписал активисту оппозиции Виктору Ивашкевичу выплатить 500 000 рублей (58 \$) в качестве компенсации за моральный ущерб работнику Мозырского нефтеперерабатывающего завода за его призывы к ЕС запретить импорт нефтепродуктов, производимых в стране. От Ивашкевича также потребовали отречься от своих заявлений публично. В июле один из бывших кандидатов в президенты, Дмитрий Усс, был осужден по аналогичному обвинению и обязан судом заплатить два миллиона рублей (\$ 234) в качестве компенсации работнику государственной химической компании «Гродно Азот». В обоих случаях работники государственных компаний и провластных профсоюзных организаций жаловались, что такие призывы вредят морально, угрожают ухудшением экономической ситуации в стране и наносят ущерб ее имиджу.

В течение года администрация горнодобывающей компании «Гранит» в городе Микашевичи отказывалась предоставить помещение своим работникам, стремящимся основать местное отделение Белорусского независимого профсоюза (БНП) на предприятии.

В декабре 2011 года более 200 сотрудников завода «Гранит» покинули отделение провластной ФПБ в знак протеста против низкой заработной платы и плохого обращения с рабочими со стороны ФПБ. Администрация оказывала давление на некоторых рабочих, вынуждая их повторно подать заявку на вступление в ФПБ.

11 апреля районный суд отклонил апелляцию лидера местного отделения БНП Олега Стахаевича, оспаривавшего свое увольнение с «Гранита». В январе ГАИ обвинила Стахаевича в нарушении правил дорожного движения и забрала у него водительское удостоверение. Администрация «Гранита» отказала ему в возможности переподготовки и в феврале уволила с должности помощника машиниста буровой установки. Многие другие независимые профсоюзные активисты были также уволены, а еще большее их число столкнулось с увольнением в конце года.

29 мая председатель ФПБ Леонид Козик опроверг информацию независимых профсоюзов о том, что 600 сотрудников «Гранита» вышли из рядов местного отделения ФПБ, заявив, что это сделали только 34 работника. Согласно информации, полученной из достоверных источников, на конец года по крайней мере 200 сотрудников продолжали искать возможность основать отделение независимого профсоюза на предприятии.

В августе более 650 сотрудников Бобруйского завода тракторных деталей и агрегатов подписали петицию в поддержку местного отделения Белорусского свободного профсоюза на предприятии. Рабочие обратились к администрации с требованием остановить преследование отделения и вмешательство в его деятельность. Лидеру местного отделения Михаилу Ковалькову было произвольно отказано в доступе на завод, а отделение было выселено из своего офиса на территории завода в июле, после того как Ковальков и его соратники потребовали 100-процентного увеличения зарплат в конце 2011 года. Администрация повысила заработную плату на 45 процентов.

После подавления забастовок и протестов против низкой заработной платы на заводе «Гранит» в сентябре руководство завода, по сообщениям, уменьшило заработную плату, повышенную в два раза после июньских протестов.

14 сентября Полоцкий винодельческий завод на один день приостановил работу в связи с забастовкой рабочих в знак протеста против низкой заработной платы. Администрация завода уволила двух организаторов забастовки под надуманным предлогом, но апелляционный суд распорядился об их восстановлении до конца года.

30 ноября районный суд города Могилева отклонил апелляцию каменщика Алексея Павловского, активиста РЭП, оспорившего свое увольнение из ОАО «Промжилстрой», а также потребовавшего возместить заработную плату за период своего вынужденного отпуска. Судья обосновал свой отказ письменным заявлением директора «Промжилстроя» и государственной профсоюзной организации, что бывшие коллеги Павловского были против его работы в строительной организации. В течение года несколько других организаций отказались нанять Павловского в связи с его членством в РЭП.

Власти и администрация государственных предприятий продолжали оказывать давление на независимые профсоюзы и отказывать им в праве на заключение коллективных договоров. Так, например, в результате годовых трехсторонних переговоров государственный НПЗ «Нафтан» 28 января подписал соглашение с подконтрольным государству профсоюзом работников химической промышленности, проигнорировав БНП, входящий в состав БКДП. Администрация «Нафтана» отказалась подписывать отдельное соглашение с местным отделением БНП.

Власти вынуждали госслужащих, составлявших около 80 процентов всех трудящихся, подписывать краткосрочные трудовые контракты. Хотя такие контракты и могут иметь срок действия до пяти лет, большая их часть заканчивалась через год, что давало властям возможность увольнять сотрудников на основании непродления их контрактов. В связи с такой практикой многие представители независимых профсоюзов, политических партий и гражданского общества потеряли работу. Правительственный указ позволяет работодателям подписывать бессрочные рабочие контракты после того, как работник хорошо зарекомендовал себя в течение 5 лет. Указ ограничивает право работодателей заключать бессрочные контракты ранее, чем через пять лет после найма работника. Это положение не распространяется на государственных служащих и

другие категории работников, в отношении которых подписание контрактов оставалось обязательным.

б) запрет на принудительный или обязательный труд

Закон запрещает все формы принудительного или обязательного труда, однако власти не обеспечивали эффективного соблюдения его положений.

В течение года власти организовывали «субботники», требуя, чтобы госслужащие, рабочие госпредприятий и многих частных компаний трудились в субботу и жертвовали свой заработок на финансирование государственных, социальных и других проектов, например, на строительство музея Великой Отечественной войны. В апреле, по сообщению властей, более трех миллионов человек по всей стране приняло участие в субботнике, убирая улицы или выполняя свои прямые рабочие обязанности. В октябре правительство организовало субботник по наведению порядка на дворовых территориях, ремонту дорог и подготовке жилых зданий к зиме. Работодатели и власти штрафовали и запугивали тех работников, которые отказывались принимать участие в субботниках.

Поступали сообщения о том, что власти принуждали мужчин, призванных на обязательную военную службу, выполнять работу, не имевшую к этой службе никакого отношения. Заслуживающие доверия источники также сообщали о практике применения принудительного труда в местах лишения свободы. Бывшие заключенные свидетельствовали, что их ежемесячная заработная плата составляла всего лишь 5 000 рублей (\$ 0,58). Власти также продолжали использовать неоплачиваемый сельскохозяйственный труд и посылали студентов вузов и старшеклассников на сельхозработы по уборке урожая.

7 декабря Лукашенко подписал указ, запрещающий работникам государственных деревообрабатывающих предприятий и субподрядных строительных компаний увольняться с работы без предварительного разрешения их руководителей до конца периода модернизации предприятий, которую субсидировало государство. Указ обязывает фабрики и субподрядные организации, на которых занято около 18 000 человек, платить ежемесячное вознаграждение своим работникам в дополнение к обычной зарплате, которое они должны будут вернуть в том случае, если уйдут с работы без разрешения администрации или будут уволены. Если они не будут иметь средств на погашение долга или будут безработными, рабочие будут вынуждены вернуться на свои прежние рабочие места и возмещать полученное вознаграждение из своей обычной зарплаты. Кроме того, все субподрядчики будут считаться виновными и наказываться штрафами, если они не смогут реализовать свои проекты в срок. Работник, не согласный с решением работодателя, может напрямую обратиться к губернатору региона, однако указ не уточняет, как губернатор должен действовать при таких обращениях.

См. также *Отчет о ситуации с торговлей людьми* на сайте Госдепартамента США www.state.gov/j/tip

в) запрет на детский труд и минимальный возраст для трудоустройства

Минимальный возраст для трудоустройства составляет 16 лет. Однако дети в возрасте от 14 лет могут заключать трудовой договор с письменного согласия одного из родителей или законного опекуна. Согласно сообщениям, Генпрокуратура эффективно контролировала выполнение этих положений. Несовершеннолетним в возрасте до 18 лет разрешено работать на безопасных рабочих местах, но не разрешено трудиться сверхурочно, в выходные и в дни государственных

праздников. Работа не должна вредить здоровью детей или препятствовать их образованию. Власти в целом соблюдали положения закона на практике. Однако поступала также информация о том, что некоторых детей принуждали работать. Например, школьников посылали в колхозы, чтобы те помогали им в уборке урожая в сентябре и октябре.

г) приемлемые условия труда

По состоянию на 1 декабря минимальная заработная плата в республике составила 1 171 610 рублей (\$ 137). По состоянию на 1 декабря среднемесячная заработная плата составила 4 244 270 рублей (\$ 496). По состоянию на 1 ноября правительство определило черту бедности в 880 030 рублей (\$ 103) в месяц на душу населения.

Закон устанавливает стандартную рабочую неделю продолжительностью в 40 часов и предусматривает по крайней мере один 24-часовой период отдыха в неделю. Из-за сложной экономической ситуации в стране многие работники трудились значительно меньше, чем 40 часов в неделю, а заводы часто отправляли рабочих в неоплачиваемый отпуск в связи с отсутствием спроса на заводскую продукцию. Закон предусматривает обязательную оплату сверхурочных и отпускных и ограничивает сверхурочную работу 10 часами в неделю и максимум 180 часами в год.

Закон устанавливает минимальные требования к безопасности труда и здоровью работников, тем не менее, работодатели часто игнорировали эти требования. Рабочие многих предприятий тяжелого машиностроения не использовали даже минимальные средства безопасности. Государственной инспекции условий труда не хватало полномочий, чтобы обеспечить соблюдение работодателем требований безопасности, и она часто игнорировала нарушения.

Власти сообщали, что около 400 000 лиц были заняты в сфере теневой экономики. Работники теневой экономики не подпадали под юридические стандарты безопасности труда.

По состоянию на 1 декабря, как отметило Министерство труда и социальной защиты, было зафиксировано 163 случая гибели людей на рабочих местах по сравнению с 186 случаями за аналогичный период 2011 года. Министерство сообщило, что большинство несчастных случаев произошло в строительной промышленности и было вызвано небрежностью, плохими условиями труда, неисправностью оборудования, а также недостаточной квалификацией и плохим обучением. Закон не предусматривает за работником права на отказ от работы в опасных и нездоровых условиях без риска потерять рабочее место.